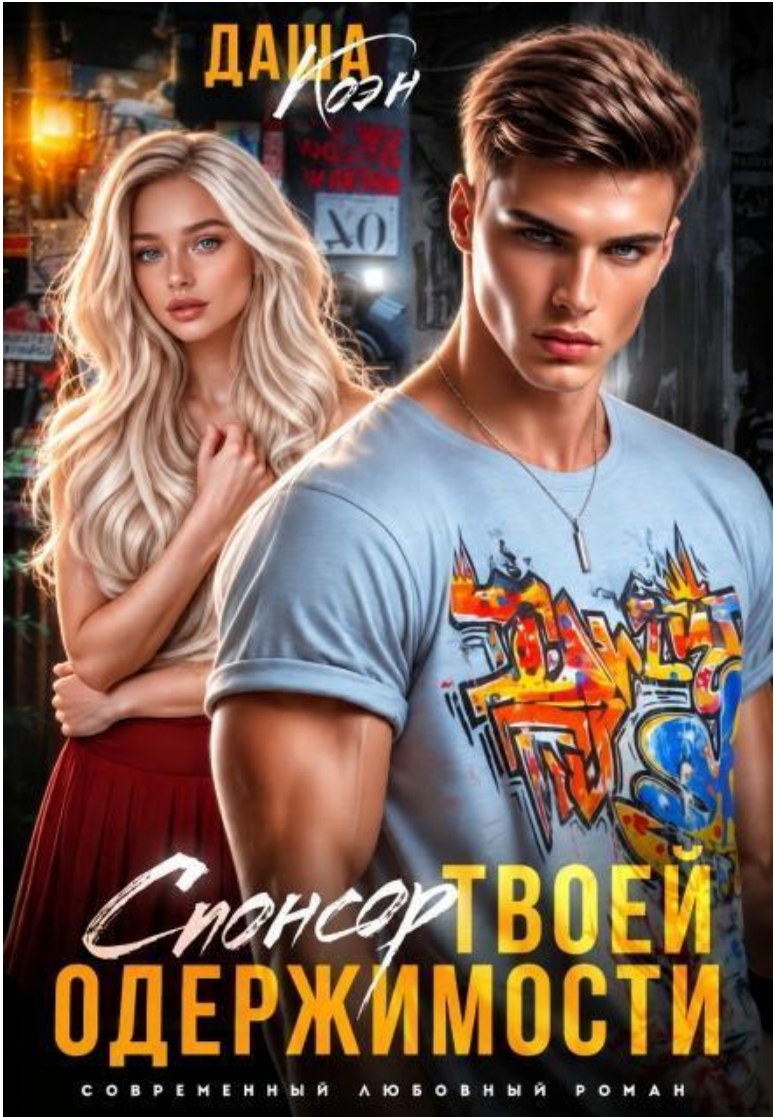
ДАША КОЭН
Спонсор твоей одержимости
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Даша Коэн
Спонсор твоей одержимости

https://litres.ru/75016632

Аннотация

БЕСТСЕЛЛЕР!— Это же тот самый парень, который набросился на тебя в клубе и чуть не сожрал, да? — шепчет мне подруга на ухо, а я вздрагиваю. — То была не я, — резко осекаю я ее, — и не он. И вообще тебе все привиделось. Поняла? — Да. — Вот и славно, — цежу я с ужасом глядя на то, как мой парень ведет ко мне дьявола из прошлого. — Познакомься, любимая, это мой очень хороший друг... А дальше я уже ничего не слышу. Глохну. И сердце в груди срывается с цепи... Как во сне киваю. Улыбаюсь через силу. Кривляюсь, корча из себя равнодушную куклу. А мне умереть хочется...*** Новинка про Захара Летова:

Содержание

Глава 1 – Контрольный в голову 4
Глава 2 – Начало конца 13
Глава 3 – Кто ищет, тот всегда найдет 20
Глава 4 – Сталкер 38
Глава 5 – Свидание вслепую 49
Глава 6 – Заторчал 60
Глава 7 – Вспомнить все 70
Глава 8 – Я просто посмотрю... 93
Конец ознакомительного фрагмента. 94

Глава 1 – Контрольный в голову

Тимофей

Санкт-Петербург. Наше время...

— Классная задница, — заржал мой, сидящий рядом друг, пока я флегматично провожал взглядом, нервно уходящую от меня девчонку. Она сердито накручивала своим «орехом», и через плечо кидала на меня разочарованные и весьма даже кровожадные взгляды.

А когда заметила, что меня это не впечатлило, то порывисто выкинула вверх оттопыренный средний палец.

Я захохотал.

Хотя она была ничего такая, в общем-то. Высокая, статная и с сиськами. Что еще двадцатилетнему парню надо для полного счастья? Симпатичная мордашка — есть. Длинные и густые, чуть завитые кольцами на концах белокурые волосы — тоже в наличии. И платье что надо: короткое, алое, с глубоким декольте, в которое бы так удобно было залезть загребущими руками, чтобы вдоволь помять сочные прелести.

А я не хотел. От слова «совсем».

И откровенно ее забраковал.

Жестко.

Еще всего лишь пять минут тому назад эта смазливая кукла без предупреждения уселась ко мне на колени и с далекоидущими планами вознамерилась засунуть мне язык в рот.

А я?

А я ее послал.

— На хер пошла отсюда, — за шею, обманчиво страстно подтащил я ее к себе и выдал на ухо намеренно нежно, с придыханием.

Конечно, у красотки в моменте произошел разрыв шаблона от подобного поворота событий. Она же вся такая звезда и царица египетская, сама сделала свой выбор. Мне же оставалось радостно принять этот подарок небес и получать удовольствие.

А я нос воротить удумал.

Мудак? Да и похуй.

Смотреть мерзкой, уродливой правде в глаза я не намеревался, почему именно на такой тип девушек у меня развилась стойкая аллергия, чуть ли не до отека Квинке. И вспоминать себе запретил, копаться в прошлом, выискивая тому причины тоже.

Было и прошло. Хороший урок судьба мне преподала, но не более. И он не прошел для меня даром, ведь до сих пор мышечная память давала знать, через что мне пришлось пройти год тому назад. Обжигала внутренности серной кислотой. Била наотмашь нервной судорогой отвращения.

Так что — никогда больше.

— Беги, Димас, — пожал я плечами, забирая у друга трубку от кальяна, — цыпа еще недалеко свалила. Вангую: она легко снизойдет задрать на себе юбку до самого пупа и дать

тебе в ближайшем темном углу.

— Злые вы, — закатил глаза Рус, еще один мой хороший знакомый и коллега по спортивной команде.

Мы все втроем прикатили в Питер на будущие соревнования по боксу, которые должны были начаться лишь в понедельник. Но мы решили уже влиться в безбашенную атмосферу хмурой, но вечно пьяной Северной Столицы и хорошенько оттянуться здесь перед боями, прежде чем позволять соперникам бить наши симпатичные морды.

Тренер думал, что мы с парнями озадачимся посещением музеев. Ну дурак, что тут еще добавить? Не угадал.

Затянулся посильнее и жадно вкинул в себя очередную порцию крепкого алкоголя. Залпом.

— Не злые, Рус, — поиграл я глазами и хмыкнул, — а прагматичные. Прикинь, твоя богиня придет сюда к тебе чудесно вечер провести, а тут я — засранец знойный. И мне под столом какая-то шлюха отсасывает за коктейль. Ну, блядь, такое себе.

— Я бы слился, — фыркнул Димас.

— Я бы тоже, — кивнул и заржал, — нихуя себе, да? Картина Репина «Приплыли» и никакие музеи не нужны.

— Кстати, где она? — шутливо врезал кулаком в плечо Аверьянову Димас.

— Где-то едет, — буркнул тот в ответ.

— С подружками хоть? — продолжил пытать его Димка Долгих.

— С подружкой.

— Бля, столько конспирации, — недовольно передернул я плечами и нахмурился, — имя не говоришь, как выглядит, не показываешь, уже час в этом клубе ее ждешь, как верный пес. Это твоя звезда пленительного счастья хоть настоящая?

— Настоящая, — кивнул Рус, — просто я сглазить боюсь, про нее рассказывая. Она, знаешь, какая?

— Какая? — вопросительно дернул я бровью.

— Охуенная! — развел руками Аверьянов. — И фотки у меня ее нет. Не сделал. А в сети она на не зарегистрирована, это такая у нее принципиальная позиция.

— Ебанутая она у тебя какая-то, а не охуенная, — прыснул в кулак Долгих, и мы с ним дали друг другу «пятюню», угорая над нездоровой одержимостью товарища.

Так на бабе двинуться. Дебил — иначе не скажешь.

И неожиданно от этих мыслей меня подорвало. Кровь за минуту наполнилась болезненным адреналином, что бурлил, но все не мог найти выход. Душил меня, травил и поджаривал мозг.

Сука!

Год прошел, а я снова и снова об это все еще обжигаюсь.

— Пойду отолью, — кивая парням, уверенно поднялся на ноги, понимая, что меня чересчур быстро расшатало.

А значит, зря я ту блонду от себя так поспешно прогнал. Пригодилась бы еще.

Подошел к поручням и, сканируя разномастную толпу,

оглядел танцующих и тех, кто тусил у бара. Увидел искомое на одном из высоких стульев, манерно попивающую коктейль, и улыбнулся.

Кому-то сейчас будет хорошо...

Поспешно двинул вниз, мимо многочисленных парочек, что тут и там горячечно предавались поцелуям. Одну девчонку уже почти развели на десерты прямо на подоконнике. Ухмыльнулся и припустил дальше.

А затем вышел в темный, задымленный коридор, утопающий в неоне и разноцветных огнях. И неторопливо пошел в сторону танцпола, пристально сканируя публику.

А всего через мгновение завис.

Мотор за ребрами нервно пропустил один удар и затроил. Так беспокойно. Но предвкушающе. Я облизнулся и приклеился глазами к паре стройных ног, что уверенно вышагивали в метрах трех от меня.

Поднял взгляд выше — сглотнул.

Талия. Задница. Манера себя держать. Все по высшему разряду. Ох, хорошая...

Добавьте сюда длинный хвост идеально прямых и гладких волос, что ритмично покачивался из стороны в сторону — и будет бомба. Потому и меня в моменте накрыло. Мощно. Так, как не было уже очень давно.

Очень!

И мне бы испугаться, но инстинкты решили по-своему.

Именно они придушили меня до черных мушек перед глазами, а тело рвануло вперед, не слушая доводов разума. Я просто пер к своей цели и был не намерен тормозить.

А поравнявшись с девчонкой, зашагал вровень с ней, нависая над ее ухом и втягивая полными легкими сногсшибательный аромат.

Размазало? Хуже!

Дальше, как во сне: мои руки сами потянулись к ней, пальцы сомкнулись на нежной коже девичьего предплечья, а затем я стремительно затянул стройное тело в темный коридор. И да, в планах у меня был еще пункт наладить худо-бедно первое знакомство, прежде чем переходить к сладкому.

А потом меня скрутило галлюцинацией. Да такой отравляющей, но упоительной, что что-то внутри в который раз с треском сломалось. Возможно, это мотор не справился с напряжением и все-таки проломил ребра. Возможно, что я просто тронулся головой...

Но ждать дальше я уже не мог. И не хотел.

Подкинул ее на себя, смыкая жадные руки на упругой заднице. И пропал, врезаясь сразу глубоко, влажно и по-взрослому в ее рот, ритмично и ненасытно трамбуя свой язык в сладкую глубину.

И захлебнулся. Потерял ориентиры совершенно. С ума сошел!

Потому что разорвало до невозможности сильно, и кровь до состояния лавы вскипела, обжигая меня изнутри так чер-

товски прекрасно, но в то же время превращая в пепел. А я не мог остановиться и все вписывался со стоном в нее снова и снова.

Понимал, что это НЕ ОНА.

Но как же насрать мне было в тот момент!

Она. Сейчас это она! Я так хочу!

И пусть весь мир подождет!

Толкнулся пахом между ее бедер — ошалел от огненной волны, что прошила меня с головы и до ног. Прихватил ладонями грудь — зарычал. Прикусил ее губы — и стремительно выпал в астрал от кайфа.

И я бы точно довел дело до конца и до передоза ею обдолбался, если бы нам наглым образом не помешали.

— Хэй! — ворвался чей-то визгливый девчачий голос в мой только что отстроенный идеальный мир.

Но я лишь отмахнулся.

— Какого хрена? Отпусти ее, придурок!

Удар в плечо. По спине. И еще раз. Сильно!

Но я все жрал ее, не соображая ровным счетом ничего, ладонями жестко удерживая свою добычу за скулы и шею. И все продолжал топить себя в этом гиблом болоте.

Сам себя ненавидел. Но остановиться уже не мог. Не получалось...

— Я сейчас охрану позову! Ты, животное, блядь! Руки от нее свои убрал! Боже, помогите, пожалуйста, кто-нибудь!

А спустя секунду меня просто отодрали от девушки. Вот

такого: взмыленного, загнанного, одуревшего от похоти и тоски.

И мир дрогнул...

Вместо безымянной личности сейчас я почему-то смотрел глаза в глаза своему безобразному прошлому. И не мог поверить в то, что на самом деле ее вижу. Ее! Настоящую!

Моргал снова и снова, но картинка не изменилась. Стояла, как прибитая и убивала меня своей устрашающей реальностью. И лупила меня наотмашь, приводя в себя, пока я таращился в ее невозможные голубые глаза.

Такие же потрясенные, как и мои...

— Идем, Яна, идем же! — дернула ее за руку подруга и потащила прочь.

А я, всего лишь на мгновение зависший в критическом ступоре, кинулся было за ней, да только не вышло. Некто из подоспевших на выручку посетителей клуба меня тут же притормозили.

— Хэй, парень, осади! Осади, блядь! — орали, удерживая меня за руки. Но я продолжал рваться.

Зачем? Да хуй его знает! Просто посмотреть на нее. Еще раз...

Последний.

И все же, четко осознавая, что не должен этого делать, я бежал за ней. А потом, как чумной бродил по ночному клубу, пытаясь разглядеть ее образ среди бесчисленной пьяной толпы. Да так и не смог.

Вернулся к парням на зону. Сел, будучи совершенно выжатым эмоционально, а затем перевел заторможенный взгляд на Димку, который пытался мне что-то донести.

— Чего? — скривился я, уже не веря в то, что на самом деле видел, то, что видел.

Может, опять меня обрушило, а я и не заметил?

— Да говорю, что Аверьянова снова прокатили. Его нимфа отписалась, сказала, что не придет.

А я скривился и выплюнул.

— Хочешь честно?

— М-м?

— Мне похуй, — оскалился я и снова вкинулся львиной долей сорокаградусного, ставя себе за цель сегодня прямо в нем и утопиться.

Ну нахрена я в этот город вообще приехал, а?

***

Дорогие читатели, добро пожаловать в вторую часть моего романа «Причина бессонных ночей». Первую бесплатную часть можно найти по ссылке:

https://litnet.com/shrt/gltQ

Приятного чтения!

Глава 2 – Начало конца

Тимофей

— Исхаков, мать твою! — заорал на меня тренер, а я улыбнулся ему, как заправской маньяк, а затем и вовсе заржал, откидывая голову назад и стирая с губ кровавый пот.

Заебись-то так, а!

— Опять? Опять, я тебя спрашиваю? — зарычал мужчина, но я только отмахнулся.

— Снова.

— Чтобы завтра вышел на ринг с холодной головой. Ты меня понял? Понял? Отвечай!

— Допустим...

— Мне это мясо тут не нужно, Тимофей.

— А я думал, что мы сюда за золотом приехали, Андрей Андреич, — равнодушно повел плечом, сам часто-часто сжимая руки в кулаки.

Кровь бурлила.

Голова гудела.

Все выходные и минувшую ночь я и в хвост, и в гриву жарил во сне эфемерную Золотову. И знаете что? Мне было мало! Критически! Я хотел ее до смерти затрахать, а лучше придушить собственными руками, чтобы она уже навсегда покинула мои мысли.

Она — как черная плесень. Хуй чем выведешь. На мгно-

вение отвлечешься, возрадуешься, что все — избавился. А она снова тут как тут — отравляет тебя своими ядовитыми миазмами.

Сука!

Как же она меня достала! Год ее не видел и взорвала с одного раза!

— Все, иди в раздевалку, — рявкнул на меня тренер, — все равно, что с психом разговор веду.

— Я он и есть, — буркнул себе под нос.

— Полгода человеком ходил. Полгода, мать твою! Что опять-то случилось-то с тобой?

Пиздец подкрался незаметно...

— Ничего, — хрустнул я шеей, — нормально все.

— А я уж думал, что снова в бабу вляпался.

Бомбануло. Прям вот моментально. И я оскалился, резко подаваясь в сторону мужчины, а затем зашипел ему в лицо сдержанно, но угрожающе.

— У меня все нормально, я сказал.

— Оно и видно.

Отвечать на эту ересь ничего не стал. Развернулся и пошагал прочь, весь аж вибрируя от накопившегося напряжения. Трансформаторная будка с ножками, а не человек. И кто в этом снова виноват?

Я! Только я один!

Ведь предлагал же мне мой отец в свое время остаться на старом месте учебы. Договорился за меня, дурака. Но нет,

мне приспичило играть в смертельные игры с гребаной Яной Золотовой. Я весь на кураже был, на взводе, не понимая, что уже тогда по колено застрял в зыбучих песках.

Как весело она меня топила!

Как обдолбанный наркоман я шел за своей «закладкой», не разбирая дороги. Не осознавая очевидных вещей — меня разводили, как полного идиота. И развели. Технично. Жестоко. Хладнокровно.

До сих пор вспоминаю и ненавижу себя за эту феерическую дурость, замешанную на чистой похоти и азарте. Заполучить. Во что ты то не стало. Добиться, чтобы она смотрела на меня, как на свет в окне. И вращалась вокруг меня звездой.

Зачем?

Надо!

И она посмотрела, да. Я до сих пор, как будто бы это было еще вчера, помню тот субботний вечер у отца в доме. Именно тогда меня окончательно и переклинило.

Темнота домашнего кинотеатра и девушка в моих руках, почти согласная на все. А я тогда обо всем забыл в моменте, куда собирался, к кому, зачем? Да вообще насрать.

Главное — Яна рядом была.

Прикрыл глаза, и тут же память услужливо подкинула, как мастерски она водила меня за нос. Дрожь ее тела, прерывистое дыхание, румянец на нереально красивом лице — я все это принял за чистую монету и повелся. Меня магнитом в ее

сторону потянуло. И контроль над телом был утрачен, лишь инстинкты вопили, что больше не могут ждать.

Что нам нужна эта наглая девчонка!

— Я тоже, Тима

— Что?

— Я тоже люблю тебя...

Эти ее слова мне потом еще долго снились в кошмарных снах. Но именно они и убили в хлам мои предохранители. Я как оголенный провод был отныне способен только жалить ее за них. Снова. Снова. И снова, черт возьми! А она еще и убегать от меня удумала.

И я так прекрасно помню, как трамбовал ее в запертую мной же дверь кинотеатра и перса от кайфа быть максимально рядом с ней. Как жадно жрал ее рот, как нетерпеливо толкался в нее своим железобетонным стояком. И все мало было!

На руки поднял и на диван закинул, а потом сошел с ума.

А она позволяла мне все!

Не знаю, как тогда вообще смог не разорвать на клочки ее кофточку и аккуратно расстегнуть пуговки, чтобы добраться до ее груди. Как не спятил в тот момент? Чудо, блядь! А ведь сколько сисек я перетрогал, пока до нее добрался — не счесть. Но именно тут меня вынесло в соседнюю галактику от эйфории запредельной.

А уж когда пуговица на ее джинсах отлетела без сопротивления, то и вовсе ошалел. Руку сунул в ее трусики и от

похоти захлебнулся, потому что она потекла. Для меня! А потом под моими пальцами и кончила, так сладко и пылко выстанывая и выгибаясь дикой кошкой.

Ей было хорошо. А мне еще круче!

Никогда прежде я не испытывал ничего сродни тому, что разматывало меня в тот момент, когда я почти получил эту змею в человеческом обличье. Черная Мамба, Медуза Горгона она или еще хуже, не знаю. Но Яна что-то сделала со мной тогда.

Что-то, что до сих пор болезненными афтершоками душило меня и отравляло изнутри.

И я будто бы тогда еще мог ей сопротивляться на каком-то подсознательном уровне, хотя и понимал, что ревную ее к тем, с кем она была до меня. И к ее парню этому, что довольной рожей мелькал в сети.

Меня разрушало это деструктивное чувство. Плавило мозг. Уродовало.

Всегда было насрать, с кем до меня была девушка, а вот тут почему-то произошло иначе. И я ненавидел их всех, гребаных счастливчиков, кому она позволила к себе прикоснуться. И ее за компанию я ненавидел тоже!

Сука! В этой ненависти и варился бесконечно, пока не захлебнулся окончательно. Ведь тогда я еще не знал и даже не догадывался насколько расчетливой дрянью она была.

Чистой, но порочной до безобразия.

Хороший же индюшиный суп она из меня сварганила.

Зря я тогда в том кинотеатре ее не трахнул. Пожалел или хуй его знает, что приключилось с моим разумом, пораженным ревностью. А надо было просто молча вытряхнуть ее из джинсов и засадить по самые яйца. И выебать ее, прочищая мозги и тем самым доходчиво объясняя, что с парнями, вроде меня, не стоит играть в такие странные игры.

Возможно, тогда бы все сложилось иначе, а не так, как по итогу и вышло.

Грязно. И ужасно.

При воспоминании снова полосонуло яростью. Сильно. И я всадил кулак со всей дури в плитку, с удивлением обнаруживая себя уже даже не в раздевалке, а в душевой. Стоял тут в коматозе и с закрытыми глазами вспоминал, как Яна Золотова убегала от меня в тот памятный вечер.

А я сидел, полыхал от неудовлетворенности и изо всех сил уговаривал себя не бежать за ней. И лишь отец заметил, что со мной происходила какая-то адовая хуйня. Да только понесло его не туда, и старик опрометчиво выдал мне ценное, по его мнению, указание не воевать с Золотовой.

Удивил прям, да?

Будто бы война мне с ней нужна была. Нет! Мне нужна была ее полная капитуляция без боя.

— Хэй, Тим, ты чего завис тут? — одернул меня Рус, а я посмотрел на него, как на прокаженного.

— Чего тебе?

— А? Да мы же собирались после боя в кафе пойти, а по-

том в кино. Вот только тебя и ждем, Димас тоже давно уже закончил.

— М-м...

— Моя девушка отписалась, что сегодня все в силе, и я вас наконец-то познакомлю, — елейно-приторно лопотал Аверьянов, закатывая глаза от блаженства, а меня от этой картинки едва ли не стошнило.

В жопу!

— Без меня в этот раз, — отмахнулся я.

— Да ты чего, Тимыч? — скуксился парень, но я даже слушать его не стал.

— У меня на девочек сегодня другие планы, Рус. Не по киношкам шастать, а трахаться.

Закрутил краны, похлопал мокрой рукой друга по сухой футболке и потопал одеваться, с четким осознанием, что нехило так задолбался...

Глава 3 – Кто ищет, тот всегда найдет

Тимофей

Пустой.

Сидел, словно выжатый лимон, но одновременно с этим чувствовал, как внутри меня бурлит вакуум. Разве так бывает? А вот очень даже. Невообразимое состояние и описать нельзя, и почувствовать врагу не пожелаешь. Но как же точно оно отображало сейчас мою суть.

Разбитая после боя рожа. Кулаки саднит удовлетворенность, но она же и бесит. Словно бы бесконечный бой с тенью давно уже вымотали мое тело, и я теперь сам не знал, чего хотел больше всего на свете: наконец-то хоть немного передохнуть от этого бега в никуда или окончательно расхерачиться, чтобы от меня уже ничего не осталось.

Интересный выбор.

А между тем глаза скользили по разномастной толпе ночного клуба, вяло рассматривая затянутые в капрон длинные девичьи ноги и глубокие декольте, в которых так призывно покачивались соблазнительные полушария. Вот только я, придурок великовозрастный, в самом расцвете сил и лет для постоянных постельных подвигов, чего-то никак на них не соблазнялся.

Сидел. Тупил. Курил кальян в гордом одиночестве. И тихо себя ненавидел.

«Фильм оказался полным дерьмом».

На столе завозился мобильный, оповещая меня о входящем сообщении от Димыча. Хмыкнул. Отписался чисто для галочки, хотя мне было максимально фиолетово, как там проходит вечер у друзей.

«Рад за вас».

Но Долгих с первого раза посыла не понял и продолжил долбить мой мозг не хуже прибабахнутого на всю голову дятла.

«Аверьянов тут еще исполнять начал».

«М-м?»

«Короче, прикинь, его эта дева красная, оказывается, боксеров на дух не переваривает по каким-то там своим политическим соображениям. И что ты думаешь? Наш Рус ей феерично навалил в уши, что мы шахматисты, блядь».

Я заржал. Прям в голосину. На меня даже с соседних столиков покосились, удивляясь такому внезапному веселью. Но я внимание на это не обратил, принимаясь строчить в мессенджере:

«А ничего, что у ее шахматиста рожа вся раскроена после сегодняшних партий?»

«С хулиганами подрались».

«Ебаный стыд».

«Ничего не говори».

«Она хоть того стоит?»

«Блядь, да, Тимыч. Когда Рус меня на ее счет инструктировал, то я сначала хотел тут же с темы съехать. А потом ее увидел и у меня, у самого чуть глаза от кайфа не вытекли. Прямо вау!»

«Фотку покажи».

«Бля, я с ее подругой заторчал. Ну как-то уже не комильфо, сам понимаешь».

«Ну и ладно», — отмахнулся я и скривился, зачем-то про себя думая, что как бы ни была хороша новая пассия блядуна Аверьянова, Яна Золотова ее всяко уделает. Причем всухую.

И тут же зарычал зверем, слетевшим с катушек. Ну нахуя, а?

И сразу вместо крови огонь по венам начал курсировать и ладони сжились в кулаки, в слепом желании разнести все вокруг. В точности также, как тогда. Когда я сам ее выкинул из своей жизни.

Все, блядь! Все! Стоп!

Что угодно можно вспоминать, но только не тот вечер. Нет — он под грифом «секретно». Он — табу. Не влезай — убьет! И так уже один раз еле себя откачал. Второй раз без шансов — останется лишь жалкая кровавая размазня.

Вот только просто так не думать об этой гадине не получалось, она, словно энцефалитный клещ — вытащишь паразита, а что толку, если кровь уже отравлена критическим образом. И приходилось заполнять мысли каким-то замени-

телем, вместо сахара подсовывать своему мозгу омерзительную стевию, тем самым, безусловно, обманывая, но позволяя забыться.

Помнишь, Тим, как ты ее тогда обманом выманил из дома? Помнишь?

Помню...

Как будто бы то было только вчера.

Вечеринка за городом в честь Восьмого марта. Мы с парнями устроили девчонкам вылазку на природу. Вот только для меня лично главным гостем должна была стать она — проклятая паучья королева, что уже свела где-то за моими ребрами свой кокон и прочно там поселилась. Обустроилась вольготно.

И жалила. Сука!

Я же отряхнулся от всего лишнего дерьма, готовясь к очередной схватке. И от Хлебниковой, как от надоедливой мошки, никогда не считая нашу связь чем-то значимым. Просто трахался без забот и хлопот, будучи совершенно свободным парнем. И нет, стыдно мне за это никогда не было. Девочка дала. Позволила. Сама себя не ценила, по максимуму занижая свою планку. Ко мне какие вопросы?

Я кайфанул и пошел дальше...

К ней. К Яне.

Фантастический долбаеб.

И, конечно же, очень расстроился, когда Золотова не явилась на праздник. А ведь я только ее и ждал. А потом понял,

что она не собиралась падать мне в руки счастливой звездой. И занемог. Очень. До такой степени, что даже Летова попросил мне подыграть.

Ну тот и врубил мобильную глушилку, чтобы никто мою добычу не спугнул. А я, уже будучи под ее окнами, вибрируя от предвкушения и малодушно ловя приходы только оттого, что она уже совсем скоро будет рядом отравлять меня непередаваемо манящим ароматом, написал ей со своего второго номера сообщение:

«Яна, тут связь ужасно барахлит что-то. Но такси вызвать успели, и оно уже подъехало. Выходи! Тебя ждет черный TANK-700 госномер В700АХ-777».

Короче, если коротко, то меня в тот момент штырило и колбасило. Не по-детски.

А уж когда она ко мне в машину уселась, так вообще подорвало. Как гребаные салюты на первое мая. Со свистом. Размазало разноцветными разводами на небосводе.

Сейчас я это понимаю, как никто и никогда. А тогда...

Поздно уже было тормозить. И я не знал, честно, что хотел в тот вечер с ней сделать в большей степени: раздавить за те слова, сказанные мне в кинотеатре, или испортить ее до невменоза. Прямо на заднем сидении своего внедорожника.

Жаль, что я сделал не второе. Очень жаль...

Пожалел. Снова.

А в итоге что вышло? О, я помню это в мельчайших по-

дробностях, как хотел утопить ее в своем яде, а в итоге единственное, чего добился — утопился сам. В горечи...

«Я же влюбился в тебя как сумасшедший, Яна. Прикинь, дела, да? Замутил аферу века и только чтобы твою симпатичную попку из дома выдернуть и на тусовку доставить, а там возможно снова попытать счастье. Украсть поцелуй и, может быть, даже вымолить свидание. Я же ни спать, ни есть — с ума схожу, только от тебе и думаю. Вспоминаю, как мы были вместе у меня дома, как ты горела в моих руках. Как кончала... А я все испортил. И теперь не знаю, как все исправить, чтобы ты снова посмотрела на меня, как тогда. Чтобы только я и ты. Чтобы больше никого между нами...»

Сказал. А потом сам себе противен стал за то неописуемое облегчение, которое испытал, когда всю эту дичь ей выдал. И испугался, как тупоголовый малолетний дрочер, что девушка из моих снов прямо сейчас рассмеется мне в лицо и скажет, что я долбанутый ебантяй ей никуда со своими сопливыми признаниями не упирался.

Конечно, мы после всего этого посрались знатно. И, конечно, Золотова попыталась от меня снова убежать. Но как я мог ей это позволить? Я ведь уже тогда плотно сидел на ее игле и торчал от тех эмоций, которые мне могла дать только эта девочка.

Но самое ужасное во всем этом было то, что целовать Яну с бурлящей, хлещущий через край ненавистью было в мил-

лионы раз круче, чем срываться во все тяжкие с другими, ненужными мне пятиминутками, кои толпами, как блохи, прыгали на мой член.

Слава богу, я наконец-то протрезвел...

— Привет, — подсела ко мне за стол миловидная брюнетка, выдергивая меня из воспоминаний, и подмигнула, чуть краснея и покусывая пухлые губы, — мы тут с подругами поспорили на стипендию, что я смогу тебя заинтересовать. Не подведешь меня?

Кивнула она на стайку молоденьких девчонок у стойки бара, а я улыбнулся.

— А что будешь делать, если выиграешь спор?

— А какие варианты? — облизнулась она, жадно шаря уже поплывшим взглядом по моему лицу.

Я же не стал разочаровывать столь милую особу. Угостил ее выпивкой и задобрил дудкой пожёстче ее подружек, чтобы они отвалились побыстрее от нашей компании. И спустя час я уже вез пьяную и на все готовую новую знакомую на свидание с моим членом.

Не довез.

Где-то на середине дороги понял, что не хочу. Прям вот до тошноты. Доставил расплакавшуюся от разочарования красавицу до дома и махнул к себе в отель.

Уже по дороге совершая немыслимые дела. Именно те, за которые еще год назад сам себе в лицо плюнул бы. Смачно.

Но да, я целенаправленно вводил в поисковой строке

блядские буквы, сложившиеся в уродливый смысл, который мог меня размазать. Или уже?

«Яна Золотова СПб».

Спустя три часа, перелопатив половину интернета и все известные вузы Северной столицы, я все-таки ее нашел. Долго и с колотящимся где-то в горле сердцем смотрел на пару мутных фото, на которых эта змея стояла в солнцезащитных очках и чуть отвернувшись от камеры, с развевающимися на ветру белокурыми волосами. И зависал, словно обкуренный заморскими травами торчок.

Позорище...

А потом улыбнулся. Как маньяк. И только тогда завалился спать всего за два с половиной часа до очередного выхода на ринг.

Уверенный до усрачки, что эти поиски ничего для меня не значат. Они просто так. От безделья. И завтра я, разумеется, не поеду выслеживать Золотову возле института.

Пф-ф-ф...

Мальчик вырос и два раза в одно и то же дерьмо вляпаться уже не может. Однозначно.

И ведь все так славно с утра начиналось...

Я проснулся, будто бы проспал не два часа, а все двое суток. В крови бурлила такая сладкая порция адреналина, что я весь, словно на шарнирах пребывал, вибрировал и едва ли не порхал. И даже не вспоминал про то, что так подрывало мои предохранители еще вчера.

Перебесился. Отмучился!

Кайф, кайф...

Принял душ, оделся и спустился на завтрак, где в прекрасном расположении духа подсел к уже набивающим свои животы парням.

Аверьянов, пуская слюни и блаженно закатывая глаза, по обыкновению молотил про свою девушку кучу отборной ванили. Ко-ко-ко, она не такая, как все. Сю-сю-сю, я в ее глазах тону. Ми-ми-ми, меня от нее прет, штырит и колбасит.

Честно? Меня едва не вывернуло на его белоснежное худи. Ну, потому что реально уже заебал.

— Слышь, Рус, — скривился я, — это, конечно, все чудесно и восхитительно. Первая любовь мудака — что может быть прекраснее? Но я тебя умоляю, не порть мне утро всей этой сахарной ватой, ибо у меня на нее уже выработалась стойкая аллергия.

— Чего это я мудак-то сразу? — насупился друг.

— Скажешь, нет? — усмехнулся я.

— Я изменился, — дернул плечом парень, а мы с Димасом переглянулись и понимающе улыбнулись.

— Ну-ну...

— А вот и правда, — нахохлился Аверьянов, — я даже стихи начал писать в ее честь. Хотите, прочитаю?

— Ой, блядь, — изобразил я рвотный позыв, — замолчи, умоляю тебя!

— А я бы поржал, — гаденько так захихикал Долгих.

— Рус, — пощелкал я пальцами перед хмурым лицом друга, — напоминаю тебе, что девчонкам в таком возрасте не стихи твои нужны для того, чтобы увидеть небо в алмазах, а крепкий член.

— Ты за мой член не переживай, Исхаков, — сложил на груди руки парень, — я его во всей красе покажу, когда придет время.

— Чего? — заржал я, а затем сунул мизинец в ухо и демонстративно им там пошурудил. — Я не ослышался?

— Да идите вы, — отвернулся Рус, пока мы с Долгих стремительно выпадали в нерастворимый осадок.

— Что реально? — уже откровенно ржал я. — Ты ее еще не трахнул?

— Нет.

— Аверьянов, ты ли это? Я не узнаю тебя в гриме, — ошалело таращил я на друга глаза.

— Не смешно...

— Ты же к этой нимфе с Нового года яйца подкатываешь, — ошалело хлопал я глазами.

— И что?

— Это любовь, чувак, — потешался на пару со мной Долгих.

— Вам не понять, — влил в себя остатки кофе Руслан и поднялся на ноги, смотря на нас, как на двух доморощенных дебилов, — просто есть девчонки для души, а есть для тела. Так вот, конкретно моя девушка — особенная. И отношение

к ней у меня потому соответствующее: не сразу в койку тащить, а ухаживать до тех пор, пока у нее от любви ко мне уши в трубочку не свернутся.

— А-а, — потянул я, усмехаясь, — ну, так бы и сказал, что она тебе тупо не дает.

— У меня все на мази, — поднял сразу две руки Аверьянов, показывая мне оттопыренные средние пальцы.

Я же лишь послал этому засранцу дурашливый воздушный поцелуй и от всей души пожелал ему:

— Удачи тебе в этом непростом деле, шахматист. И да, не забудь над башкой нимб поправить, а то его слегка перекосило.

— Да пошел ты! — отмахнулся от меня парень и недовольно пошагал прочь, строча что-то в телефоне. Наверное, очередную порцию рифмованных строк в честь своей девы красной.

Я же только покачал головой, не особо веря в то, что у друга это серьезно. А с другой стороны, слишком уж долго у Аверьянова наблюдалось это странное помутнение рассудка.

Весь прошлый год родители Руса грязно разводились. Его отец загулял с молоденькой практиканткой, она залетела и моментально сделала стойку на узаконивание отношений. Мать друга такой кордебалет не заценила и подала на развод, а затем уехала сюда — в Питер к своей маме, которая давно болела и требовала ухода.

Рус, который очень любил мать и переживал за ее душев-

ное состояние, фактически начал жить на два города. Мотался сюда каждую неделю, да так и познакомился с девчонкой неописуемой красоты, живущей в соседнем доме.

Поначалу просто уныло вздыхал, негодуя, что предмет его грез совсем его не замечает, не реагирует на подкаты и даже не смотрит в сторону парня. Но Рус не сдавался и наконец-то, худо-бедно, но пробился к неприступной крепости, постоянно выспрашивая у нас, какие цветы ей лучше подарить, шоколад или еще какую-нибудь романтическую бурду.

И мы, честно сказать, давно были уверены, что там отношения на полную катушку закрутились. А оно вон как...

Стадия голодных серенад под окнами еще не прошла.

— Слушай, — задумчиво выдал я вопрос, переводя взгляд на Димку, — как хоть эту волшебницу зовут, которая из Аверьянова сделала латентного кастрата?

— Бля, — нахмурился Долгих, — а я что-то и забыл, прикинь. Он же ее без конца и края любимой, да дорогой называл.

— Кисой, зайчиком, одуванчиком?

— Ну, типа того, ага, — пожал плечами друг.

— Совсем ебнулся?

— Совсем...

Покачали головой такому печальному факту и синхронно поднялись из-за стола, а затем припустили к машине, которая должна была уже отвезти нас на место проведения тур-

нира.

Я же по дороге, видя, как Руслан придурковато улыбается, очевидно, переписываясь со своей зазнобой, вдруг камнем рухнул в собственные воспоминания.

А ведь я недалеко от него в свое время ушел, да?

Нет, любовью там, конечно же, даже и не пахло, причем никогда. Нежность, трепет, романтика — это все было не про нас с Золотовой. Но вот эта слепая одержимость, когда, ни спать, ни есть, а только думать, как ее, эту гадину себе присвоить — это страшно. Особенно когда в мыслях не девушка поселилась, а ядовитая змея логово свила.

И все внутри адски зудело от ее укусов...

Я помнил все, как будто бы это было вчера. А может, именно потому, что слишком часто за последний год вспоминал все это отборное дерьмо? Не знаю, но картинки перед мысленным взором стояли такие до боли четкие, яркие, живые.

И она, Яна Золотова, на них была как настоящая. Руку протяни — и можно придушить. Уже не только за то, что она считала меня ошибкой природы, дегенератом и отрыжкой этого мира. А еще и за то, что я испытывал рядом с ней, стоило только нашим взглядам врезаться друг в друга в толпе. Бам! И меня выносило напрочь. Током било, кипятя кровь и разжижая мозг.

А потом только и оставалась, что пялиться на нее и зависать.

Пиздец...

И как же мастерски она мной манипулировала в свое время, а я, деградант хренов, велся. Она все твердила, забыть о ее существовании, вообще не глядеть в ее сторону. А потом делала все, чтобы я смотрел только на нее одну.

Как на божество.

И я смотрел. Захлебывался слюной, презирал себя за то, что не мог выкинуть ее из головы, но продолжал, словно тупая мошка, лететь на ее губительный свет. Знал же, что нельзя. Что убьет нахуй. И все равно облажался.

Когда все накрылось медным тазом?

Когда я в ту поездку за город на Восьмое марта, после нашего рандеву в машине, зачем-то полез в сеть. А там уж снова зашел к Яне на личную страницу, а потом и к ее парню. Тому самому Данилу, фотографии с которым Золотова так щедро вываливала на всеобщее обозрение. И какого же было мое удивление, когда я увидел в его профиле снимки уже с другой девчонкой.

У меня чуть глаз не выпал, как у долбанной ши-тцу.

А за ребрами до невероятных размеров, словно воздушный шар, раздулось предвкушение чего-то совершенно лютого. И вдруг стало неважно в моменте, что Золотова — кобра ядовитая. Плевать было, что у нее характер Гитлера в юбке. Все стало несущественно, потому что я слепо хотел ее получить, закрыть этот чертов гештальт, а иначе я бы просто тронулся головой. И нужно было уже наконец-то убедиться,

что эта девушка такая же, как и все — ничего особенного и на один раз.

А там хоть трава не расти.

И да, я до усрачки хотел повторения того, что случилось между мной и Золотовой в кинотеатре! Мне стало невкусно с другими девчонками. Пресно. Все время будто бы чего-то не хватало. Остроты! Соли! Или еще хуй его знает, чего...

И я попер, как танк. Даже не замечая того, как под ногами путаются Летов, Царенов и эта дурочка Хлебникова, которая возомнила, что я любовь всей ее жизни. Зря я так. Если бы не все эти второстепенные персонажи, то я давно бы уже оприходовал Золотову на ближайшей горизонтальной поверхности, показывая, как сладко может быть в объятиях маргинала и отброса этого общества.

А потом я забыл бы ее тут же, как страшный сон. Перекрестился и выдохнул с облегчением!

Но карты смешали все кому не лень.

Сначала Каха полез со своими тупыми речами, давая ложное понимание Яне, что я будто бы обсуждал ее с парнями. Да ни в жизнь! Я, конечно, не положительный герой, но в свой мир никого не пускал и уж тем более никогда не обсасывал свои подвиги.

Потом Машка удумала истерики закатывать, заявляя на меня эксклюзивные права, хотя у нее их отродясь не было. Пришлось затыкать. Жестко. До моего рычания и ее слез градом. Она ведь даже не постыдилась встать передо мной на

колени, умоляя вернуться к ней, а я так устал от этой девушки, что сказал честно: я никогда ей не принадлежал, ибо она никогда мне и не была нужна.

А потом ушел, навсегда оставляя эту короткую главу своей жизни за спиной.

И словно бы летел к ней на пятой космической — к моей Королевской кобре, весь на взводе оттого, что несколько минут назад почти уже приручил ее. Заставил извиваться страстно и с полной отдачей в моих руках. Стонать томно и с придыханием. И позволять мне все! Я ведь целовал ее. Языком накачивал ее и чувствовал, как она горит. Для меня!

И я хотел немедленно все это продолжить!

Но мне осталось только молча смотреть, как эта блондинистая гадина села в тачку к моему другу и укатила в закат. А я ведь звонил ей. Писал. Но в ответ получил лишь фотку от Кахи: он и Золотова, которая с вызовом смотрела в камеру.

Сука!

Твою мать!

До сих пор вспоминал, и меня в моменте взрывало атомной бомбой оттого, как адово я эту змею ревновал к гребаному Царенову, как клятвенно обещал тогда сам себе, что больше ни за что к ней после такой хуйни не сунусь. Никогда!

Что пошла бы она уже куда подальше со своими кривыми выгибонами! С меня хватит! Все! Занавес, мать ее ети!

А-а-а!

Надолго ли хватило моего воздержания от этой забористой дури по имени Яна Золотова? Хороший вопрос...

— Приехали, — хлопнул меня по плечу Димас, тем самым выдергивая мой опухший мозг из тухлых воспоминаний и давая понять, что мы уже на месте проведения турнира.

Выругался.

Ну вот, был же нормальным человеком с утра, а теперь снова, словно сбежавший из психушки долбанавт, раскалился. И все крушить вокруг себя хотелось, ломать кости и выбивать зубы.

Блядь, кто там сегодня мои соперники на ринге?

Им пизда!

Спустя несколько часов, уверенно продвигаясь вверх по турнирной таблице и отирая кровь с рассеченной губы, я вяло слушал очередной выговор от тренера. А сам трясущимися руками уже зачем-то просматривал сайт института, где теперь училась белобрысая ведьма.

Без задней мысли. Просто так.

И расписание третьего курса финансово-экономического факультета я скачал и ознакомился с ним тоже ради праздного любопытства. Так сказать, от нечего делать.

Сходил в душ. Переоделся. Попрощался с парнями. Сел в арендованную в каршеринге тачку.

Крепко выматерился.

Но всего через десять минут, задыхаясь от непонятного

деструктива, оказался почему-то не в номере отеля, а перед тем самым высшим учебным заведением. Точно зная, что всего пять минут назад у Яны Золотовой закончилась последняя пара...

Глава 4 – Сталкер

Тимофей

«Я только на нее посмотрю и сразу уеду».

Именно так я упрямо обещал сам себе мысленно, кусая губы и пристальным взглядом полируя высокие деревянные двери института, в котором грызла гранит науки Золотова.

На свербёжку за ребрами где-то в районе сердца внимания не обращал. Только покусывал нервно нижнюю губу и насиловал пальцами кожаную оплетку руля, нещадно сжимая ее ладонями.

И с каждой пройденной минутой все больше раскалялся. Студенты разноцветным, шумным потоком повалили из своей альма-матер прочь, как крысы с тонущего корабля: с писками, с визгами, торопливо и кто быстрей. Но Золотовой все не было видно.

И нет, я не мог ее просмотреть, потому что узнал бы из тысячи. Сначала бы, как это всегда было раньше, что-то внутри меня дрогнуло, а потом бы уже глаза прикипели, давая мозгу информацию, которую он давным-давно обработал на подсознательном уровне. Так что я точно мог сказать, что Яна не скрылась от меня в этой невозможной толчее.

Тогда какого черта она не выходит?

Снова полез в телефон, где в документах лежало потоковое расписание групп ее факультета. Сверился со временем,

на краткое мгновение обмирая в каком-то деструктивном расстройстве, что все перепутал и пары у Золотовой давно уже закончились.

Так, блядь!

Сейчас какая вообще неделя идет? Четная или нечетная? Нет, ну все правильно — нечетная. Вторник. Я не ошибся. Я просто не мог ничего напутать.

А вдруг она вообще сегодня на учебу не пришла? Или прогуляла последние пары?

Дерьмово, если так...

Хотя какая мне разница, верно? Мне вообще плевать на нее с высокой горы. Я сюда приехал просто от скуки. От нечего делать! Увидеть, как цветет и пахнет эта гадина, чтобы лишний раз убедиться — я тогда, год назад поступил правильно. Хоть кто-то поставил эту зарвавшуюся, избалованную вниманием королевишну на место и показал, что ее жестокие игры могут давать осечки. И нехилую отдачу!

А еще мне было бы неплохо пополнить бензобак своей ненависти к ней термоядерным топливом! Так что, пусть выходит!

Один взгляд и, клянусь, я тут же развернусь и уеду, теперь уже навечно выкидывая идеальный образ этой стервы из головы. Похороню его под толстым слоем пыли, без памятника и почестей, ибо не собираюсь приходить с цветами на ее могилу.

Она даже этого не заслужила, черт ее дери!

Оторвал глаза от телефона и рухнул в метафизическую кроличью нору. Полетел со свистом, но ничего уже не слышал и не замечал вокруг. Мир встал на паузу. Фон смазался уродливыми грязно-кровавый разводами.

Сердце перестало стучать.

Легкие стопорнулись, жалобно скрипнув.

Мозг ушел на перезагрузку.

Тело загудело, наполняясь нервным и будто бы пьяным электричеством, что размотало меня максимально быстро и до критического состояния.

Руки дрогнули...

И только глаза, как приклеенные, жадно следили за стройной фигуркой, что одиноко и неторопливо брела от высоких арочных дверей к выходу за кованное ограждение института, кутаясь в короткое черное пальто. На улице не сказать, что было по-весеннему тепло. Всего десятка со знаком плюс и порывистый ветер, который трепал белокурые пряди Яны, выбившиеся из ее длинной косы.

«Пиздец, какая же она красивая», — на автопилоте пронеслось у меня в голове.

Каждый чертов раз, как я ее видел, эта мысль била меня наотмашь. В первую нашу встречу, когда Золотова, словно царица Египетская ворвалась в гостиную моей квартиры на той самой вписке. И в последнюю — когда я выбросил ее полуголую на лестничную площадку.

Так стоп! Хватит...

Пора уезжать. Вот сейчас я заведу двигатель и выжму педаль газа в пол, а затем уеду жить свою расчудесную жизнь на полную катушку, забывая, что когда-то меня смачно перекрутила в мясорубке одна мстительная ведьма.

Ну давай же, черт тебя дери!

Вот только время шло, а я все смотрел, как удаляется от меня хрупкий силуэт, затянутый в черное пальто. Но за секунду, прежде чем Яне скрыться за поворотом, я все же выматерился крепко, а затем рванул ручку двери и торопливо вывалился на улицу.

И припустил скорей за ней, низко на глаза надвигая капюшон худи и натягивая на половину лица бафф-шарф, чтобы полностью себя обезличить, оставляя в зоне видимости лишь глаза. Не анализировал свои действия, не пытался понять, зачем я все это творю — просто пёр, как танк, потому что почему-то не мог уже иначе.

А всего через несколько минут уже тенью следовал по ее пятам, залипая невообразимо на длинных, стройных ногах, затянутых в черные джинсы.

Я видел, что ей было холодно.

А сам ярким факелом горел.

И даже не заметил, как спустя пару десятков метров мы вместе — она впереди, я чуть позади нее — оказались в метро. Спустились на эскалаторе в вестибюль. Зашли в разные двери одного и того же вагона. Яна села на свободное место. Я, испытывая мазохистский кайф, почти сразу же навис над

ней и бессовестным образом впивался глазами в ее переписку.

«Сегодня с утра машина опять не завелась».

Вверх тормашками прочитал, кому именно она строчила это послание. Облегченно выдохнул, когда увидел имя: «Лиза Подлизкина». А между тем Золотова уже получила ответ:

«Опять стартер?»

«Наверное».

«Встретимся сегодня?»

«Не получится. У меня есть планы на вечер».

«Завтра тогда, может, на треню сходим вместе?»

«Давай».

«Договорились».

Отключила телефон и сунула его в карман пальто, складывая тонкие, аристократические пальцы на своей сумке. А у меня внутренне рвало шквальными порывами ветра, выкорчевывая корни у моей выдержки.

Планы у нее, блядь...

Поди с парнем встречается. Интересно, какой он? Лучше, меня? Ниже, выше, сильнее? Она с ним уже спала? Ей понравилось? Стонала? Кончала, так же, как и подо мной?

Сука!

Тело повело от внезапной, но такой острой огненной судороги, что скрутила меня раскаленной колючей проволокой с головы до ног, придушила и скинула в состояние бешен-

ства. Я непроизвольно дернулся, и мы с Золотовой столкнулись ногами. Ей было плевать. А я даже через ткань брюк почти убился током. Но отвернулся поспешно, когда она вскинула на меня свои голубые, как небо глаза. Но продолжал внутренне бурлить, словно вулкан, представляя себе варианты того, с кем она может провести этот вечер.

Какой он, тот самый гандон, что теперь зажигает с ней? Блондин, брюнет, рыжий? Ровесник или старше ее на несколько лет? Может быть, какой-то папик, что радует ее дорогими цацками? Она счастлива с ним? Или так же пьет кровь, как когда-то и мне?

А-а-а!!!

Картинки, одна дерьмовее другой замелькали перед мысленным взором.

Меня затошнило.

На очередной станции, сидящий рядом с Золотовой дедуля вышел из вагона, а я тут же опустился подле нее. Руки, сжатые в кулаки, спрятал от греха подальше в карманах худи. Голову не поднимал, но весь скрипел, чувствуя, как рушится внутри меня невидимая глазу стальная арматура, что еще удерживала меня от полного саморазрушения.

Не знаю, что бы я сделал с этой ведьмой, если бы через станцию она, чувствуя, что рядом с ней сидит даже не человек, а разъярённое животное, не отсела от меня на одно кресло подальше. Возможно, все-таки схватил бы ее и тряс до тех пор, пока бы она снова не расплакалась.

И мне бы стало легче. Хоть чуть-чуть просто оттого, что она все еще ко мне неравнодушна.

И все же я с облегчением выдохнул. Но почти тут же скукожился от иррационального дисбаланса, потому что я жаждал мучить и дальше себя и ее этой преступной близостью!

Еще через две станции, Яна встала и вышла из вагона.

Мне же оставалась только снова идти вслед за ней, но теперь уже на значительном расстоянии, опасаясь, что я чересчур примелькался в вагоне, пытаясь напитаться этим ощущением сладкой гари оттого, что я весь полыхал рядом с ней. Боялся, конечно, что она поймет, что за сумасшедший, больной на всю голову сталкер крадется по ее следу.

Был осторожен.

Затерялся в вечерней толпе спешащих с работы людей, но ее белобрысую макушку четко держал под прицелом своего алчного взгляда.

Свернул за ней с широкого проспекта во дворы.

Проследил, как она, озираясь по сторонам, вошла в подъезд.

Подошел ближе, задрал голову выше и, прищурившись, принялся следить, на каком этаже зажжется уже совсем скоро свет, надеясь на то, что ее квартира не выходит на обратную сторону дома.

Улыбнулся, когда увидел, как вспыхнуло окно на втором этаже.

А потом понял, что уже никуда отсюда не уйду, пока не

узнаю, на кого именно построила планы сегодняшнего вечера Яна Золотова.

Решил, что без задней мысли и подтекста разведаю обстановку. Словлю моральное удовлетворение, что она тусуется с каким-нибудь блеклым персонажем и уж тогда с чистой совестью оставлю ее в покое. А пока...

Продлил время аренды того автомобиля, в котором забыл вещи, когда ехал к институту Яны. И взял новый, чтобы не отсвечивать под ее окнами. Срисует еще, а мне ведь совсем это не нужно.

Управился быстро, а спустя всего полчаса довольно оскалился, когда Золотова наконец-то снова вышла из своего подъезда...

Моментально внутренне ощетинился, и мой мир сузился до одной-единственной девушки, фиксируя малейшие изменения в ее облике.

А что? Дополнительный допинг для моей ненависти не помешает, что определенно тут же кипучей химией поступит в кровь при виде того, как она прихорошилась для встречи с другим парнем.

Но взгляд лишь поверхностно облизал фигурку, упакованную в черный спортивный костюм из теплого футера с капюшоном и в пальто, но теперь уже длиной ниже колена. На голове легкая шапочка — под вечер похолодало. На ногах высокие кеды. С рюкзаком.

А если там в нем вещи для ночевки у ее «тюбика»?

Блядь!

Но не насрать ли мне? Так совершенно! Пф-ф-ф...

Ладно, куда она такая, вся на стиле, на расслабоне потопала-то вообще? Прищурился, на мгновение взявшись за ручку двери, собираясь выйти из салона, дабы припустить за ней. Но тут же понял, что Золотова походкой от бедра, словно бы этот гребаный мир принадлежал лишь ей одной, вышагивала в противоположную от метро сторону.

А посему я завел двигатель, а затем медленно и осторожно покатил за ней, чуть притормаживая перед выездом на проспект и отмечая, что Яна зависла в телефоне, стоя на автобусной остановке. Переписывалась с кем-то и улыбалась, чуть качая головой.

Завис опять, погружаясь в ее такие незатейливые эмоции. Словил тупую боль за ребрами. Скривился.

А спустя всего лишь минут пять вновь тронулся с места, так как Яна наконец-то села в подъехавшую «гармошку» и отчалила. Я, естественно, за ней.

А в черепной коробке будто бы армагеддон случился! И черти заплясали, повизгивая от нетерпения. Им, как и мне, до зуда в костях хотелось знать, кто же он.

Тот, к кому Яна вот так снарядилась, на ночь глядя.

Стерва сукиного сына!

Ладони закололо нещадно от срывающегося с них напряжения. Оно с электрическим хрустом и привкусом металла на языке сгущало в салоне автомобиля воздух, делая его тя-

желым, словно сироп. Именно от этого, мне с каждым проглоченным километром в погоде за ненавистной блондинкой, становилось все тяжелее и тяжелее дышать. Почти до асфиксии.

И мозг так чертовски услужливо подкидывал мне, как засвеченные негативы, возможные варианты скорого будущего: как ее уже на остановке встретит какой-то молодой и жизнерадостный парнишка, счастливо улыбаясь от уха до уха, закрутит ее в объятиях, пока она сама будет весело смеяться, откинув голову. А потом они, переплетя свои пальцы в нежном, трепетном жесте неспешно побредут домой, о чем-то тихо перешептываясь.

О своих мечтах, которые обязательно для них сбудутся.

О секретах, которые никто, кроме них, не будет знать.

О планах на лето, которое отпечатается в их памяти яркими, сочными красками. Потом они расскажут о нем своим детям, потом и внукам, сидя в креслах-качалках у трескучего камина все так же, как и в молодости, держась за руки.

У них все это будет. Целая жизнь — одна на двоих! Жаркая. Страстная. До самого конца.

Почему я в этом пареньке увидел самого себя? Потому что я, блядь, такой фантастический дебил...

Сука!

На светофоре, нарушая правила, почти развернулся. Почти плюнул на все и уехал прочь от этой черной дыры, что так стремительно меня засасывала в свою смертельную бес-

конечность. А потом в окне автобуса врезался в слишком идеальные черты Золотовой и, кажется, не дыша, потонул.

Она была так близко.

И так далеко.

Взгляд голубой в никуда. Печальный. Пустой. Как у бездомной собаки, которая еще пять минут тому назад была домашней. И люди ее любили, кормили, гладили, приручали. А сейчас уже все — закончились и выбросили за ненадобностью на мороз ненужную псину.

В какой по счету раз я в ней так обманулся? Не счесть...

Вот и опять. Не девушка — кукла. Образ ее — сплошная фальшь. И внутри нет души, только холодный, неживой пластик. И тлен.

Автобус остановился. Яна вышла. Побрела к соседнему дому и скрылась в подъезде, теперь уже даже не оглядываясь, а словно бы утопая в каком-то водовороте тухлых мыслей.

И мне бы уехать сейчас, но мозг рулит сам. Паркует тачку. Скидывает тело в режим ожидания. Разгоняет нервную систему до мелкой дрожи. И вот уже больно дышать. Больно смотреть. Больно видеть ее снова.

Спустя всего лишь десять минут.

И да, она уже не одна...

Глава 5 – Свидание вслепую

Тимофей

Наверное, именно на этом месте мне и нужно было наконец-то поставить точку в собственном, таком внезапном помешательстве.

Временный сдвиг по фазе, но не более ведь.

Бред!

Но вот этот спуск на американской горке, когда весь звенишь от сумасшедшего напряжения, страха и нетерпения одновременно, а затем срываешься вниз с внутренним воплем, а дальше на бешеной скорости несешься к «мертвой» петле — это сильно и из колеи выбивает так, что прийти в себя нужно время. А там уж понимаешь, что тормоза отказали.

Но не паникуешь. Потому что похер уже, что будет дальше.

Разхерачусь? Ну, зато весело.

Наверное, именно поэтому обугленным остовом сгоревшей спички, темным и скукоженным, я вышел из машины и на приличном расстоянии снова пошагал за Золотовой, ни на секунду не отрывая глаз от ее стройной фигурки.

И улыбался.

Чертов псих!

Смотрел, как она бережно поддерживает за руку сухонькую старушку, упорно ведя ее вперед, и кайфовал, словно

упоротый дегенерат. Только слюны, капающей с подбородка, и не хватало для полного счастья.

Не к парню приехала. Кайф!

А там уж мы по очереди повернули за угол. В кипящей толчее перешли через оживленный перекресток, а затем двинулись к огромному торговому центру. Именно туда мы и вошли спустя еще несколько минут, а потом по отдельности, я — на лифте, а Яна со старушкой на эскалаторе, поднялись на последний этаж.

В кинотеатр.

За ребрами раздражающе резко завопил мотор, будто бы говоря мне о том, что ему хватит на сегодняшний вечер потрясений. Что он уже не справляется, качая лихорадочно загустевшую, кипящую кровь. Что плохо ему. Что пора передохнуть. И я почти поддался. Почти...

Честно!

А потом, как вспышка — Золотова. Она смеялась, откинув голову назад. Звонко. Ее голубые, как небо глаза блестели, щечки от вечерней прохлады разрумянились, чуть обветренные губы припухли. Идеальное лицо без грамма косметики, совершенное, нереальное в своей красоте завораживало. Не девочка — сердечный приступ.

Вот и меня снова задело по касательной.

Пялился на нее, как задрот в период пубертата, чувствуя, как воют в моей голове тревожные серены, предупреждая об опасности. Не ангел она, Тимофей. Акула! Очнись! Краси-

вая, да! Но кровожадная тварь, которая в два счета снова тебя сожрет со всеми потрохами и без дополнительной термической обработки.

Это же так весело — раздавить меня, словно блоху.

Блядь, как же я ненавидел ее!

— Бабуль, время еще есть, давай за попкорном зайдем.

Я чуть в три погибели не сложился. Ее голос — все равно что плетка — он распорол кожу именно там, где еще год назад зияли открытые, кровоточащие, щедро посыпанные солью раны. Они затянулись, а теперь снова до мяса.

И ладони сжались в кулаки. Придушить ее захотелось так, что перед глазами красная пелена вспыхнула. И только одно желание билось раненой птицей — схватить эту суку за тонкую шею, трясти до икоты от страха, чтобы наконец-то узнать, какого хрена она все это со мной сделала?

— Карамельный будешь, ба?

— Давай, внучка, только маленький. А себе большой возьми, а то совсем как скелетинка ты у меня стала.

— Да ладно тебе...

— Зря ты съехала от меня, Яночка. Так хоть я тебе что готовила, а теперь и не покормит никто. Эх...

— Ба, ну не начинай.

— Все, молчу-молчу, — отмахнулась старушка, а я враз оскалился.

Как зверь, чей разум уже поразил вирус бешенства. И всю грудную клетку разворотило в одночасье, потому что весь

пазл в голове внезапно сложился в уродливую картинку: Яна все это время жила сыто у бабули, а тут усвистела. И о причине гадать не приходилось, ведь девы молодые из родного дома только в одном случае сваливают — когда мужик появляется на небосклоне и взрослой жизни с ним хочется.

Значит, она влюбилась в него. По-настоящему. И теперь смотрит на него, как на божество, в глаза заглядывает, позволяя делать с собой все. Трогать. Трахать. Гнуть под себя.

Аж затрясло. Затошнило резко. Голова разорвалась от внезапной нестерпимой боли.

И что-то внутри меня лопнуло с диким визгом. Кровь кипеть перестала — вмиг остыла и заполнилась ледяной шугой. Сердце в шоке зависло. Легкие стопорнулись, будто бы меня со всей дури пнули в живот.

Все! Что еще мне нужно знать?

Какого хера я встал тут, как вкопанный, облизывая ее взглядом и вслушиваясь в ее голос?

У Золотовой новая жизнь! У нее все охуенно! Она и думать забыла, что год назад знатно нагадила мне в душу и ушилась дальше фестивалить! Оставляемое за ее спиной пепелище эту стерву не беспокоило.

Ее мир заполнен сахарной ватой.

Мой же — чистый вакуум. Равнодушный. Остывший. Но я лишь до поросячьего визга рад этому, потому что помню, как меня разматывало тогда, год назад, в шаге от пропасти. И мне бы прислушаться к своей интуиции, сдержать данные

себе обещания и, возможно, тогда я бы не скатился в пропасть мешком, набитым кровавыми костями.

Где я оступился?

После вечеринки за городом Золотова две недели была на больничном. Я же занимался самоуничтожением. Первым, что сделал — нарушил те правила, что нарушать вообще нельзя. Тем более из-за бабы.

Я поехал к Кахе и въебал ему. Вот прям от души.

И пока он вытирал со своего до усрачки довольного лица кровь, смеясь и скалясь на меня, я сделал ему последнее китайское предупреждение.

— Царенов, я не понял, ты сохранился, что ли, или просто от рождения такой тупой?

— Мой косяк, — заржал парень, приподнимая ладони над головой, — но сам пойми, такая красота бесхозная ходит. Я не мог удержаться, Тим.

— Трахнул ее? — прошипел я.

— Ты меня с кем-то явно перепутал, брат, — в моменте сменил веселье на злость Каха, но я больше не мог слушать его сахарные речи. И свалил в закат.

Но все равно, это было абсолютно нелогично тогда. Ведь я сам себе поклялся, что Золотова — это отработанный материал. Все, больше неинтересно. Пусть хоть со всем институтом переспит, мне и тогда дела не будет. Но другу из меня терпилу лепить я позволить не мог.

На сколько меня тогда хватило? Надолго.

Три недели, две из которых Золотова болела, а одну я был на соревнованиях, впервые в жизни отчаянно слетая с катушек и вынося своих соперников в одну калитку. А потом...

А потом сорвался. К ней.

— Молодой человек, вы что-нибудь брать будете? — вырвал меня из прогорклых мыслей голос продавщицы попкорна, а я только сейчас заметил, что холл опустел, а все зрители разошлись по местам.

Вот и Золотова с бабулей тоже скрылись из виду.

— А во втором зале какой фильм идет? — не зная, зачем и почему, спросил я.

— Про Екатерину Великую, — кивнула мне девушка на экран, где тут же высветились свободные места на этот сеанс.

— Интересный? — вопросительно выгнул я бровь.

— Очень, — подмигнула мне она, — особенно если смотреть не в одиночестве.

— Я и не буду, — в упор не заметил я того, что мне откровенно строили глазки и напрашивались на свидание.

— Супер! У меня смена закончится через сорок минут, — засияла девчонка. — Меня Катя зовут, кстати.

Симпатичная. Улыбчивая. Крашеная блондинка. И она обязательно еще найдет себе подходящего парня. Такой эмоциональный калека, как я, ей совсем ни к чему.

— Последний ряд, Катя, — не разрывая зрительного контакта, безэмоционально выдал я, — седьмое место.

— Что?

— Реклама скоро закончится, — поторопил я ее.

— Ну и козел, — буркнула она мне в ответ, а я улыбнулся.

— Так и есть.

Билетом в меня едва ли не швырнули, но я лишь покачал головой и пошагал дальше, отчужденно размышляя над чередой собственных, явно нелогичных поступков. Дебильных на максимум. И я все вроде бы понимал, куда качусь и с какой скоростью, но ничего уже поделать был не в силах.

Я походил на наркомана, что год пребывал в абсолютной трезвости. Чист, как стекло. А потом случилось хоба! И развязка настигла не постепенно, когда ты опускаешься на дно медленно, мало-помалу повышая дозу и силу дури. О нет! Я сразу пустил себе по вене чистый яд.

И заторчал.

А теперь вот, стоял, как конченный психопат у двери в зал под номером два и четко осознавал, что меня занесло в какую-то нездоровую историю. Но поздно. Кажется, этот марафон меня уже засосал.

И вот я будто бы со стороны смотрю на то, как сканирую код на билете, как дергаю дверь зала на себя и прохожу внутрь, натягивая капюшон пониже, но оставляя возможность сканировать зал в поисках цели.

Нашел Золотову почти сразу. Секунды не прошло, и она уже у меня на мушке. Еще мгновение и я понял, что через ряд от нее и чуть наискосок как раз пустует место. Идеально,

чтобы залипать на черты ее лица два гребаных часа, пока на экране будут мелькать неинтересные для меня кадры.

Туда и припустил.

Уселся. Врезался в нее взглядом.

И капитально потерялся.

Ловил все ее эмоции. Жрал их, но голод так и не утолил.

Она улыбалась. Кусала губы. Хмурилась. О чем-то переговаривалась с бабулей. И постоянно крутила головой. Чувствовала взгляд безумного сталкера, что неотступно жег ее затылок.

Но я успевал отвернуться или нагнуться, делая вид, что ищу пачку несуществующего попкорна на полу. И снова на пост, где глядеть на нее — это все, что мне надо.

Странная херня. Иррациональная. Бесячая.

Раскочегарило от ненависти, а глаза на суперклей будто бы посадили. Прикрути, затянули гайками. Или приколотили гвоздями на сто пятьдесят. Не знаю. Но я уже от этого задолбался, но одновременно с тем прямо сейчас дышал полной грудью.

Хотя чему я удивляюсь? Так ведь было всегда.

Там много всего было в моих сумбурных мыслях. Кидало то в огонь, то в ледяную воду. Но чувство самосохранения у меня было хорошо развито, и оно подсказывало мне, что я бы просто сам себя потерял, если бы ею наглотался от пуза.

Попробовать — да, но не более.

Поэтому я не допускал даже мысли, чтобы допустить что-

то серьезное. Или нет, но вляпаться в какую-то периодичность. Я боялся попасть в ее кабалу.

Она ведь снилась мне. Часто. Прикроешь веки, уйдешь за черту, а там стерва эта невинными голубыми глазками хлопает, руки в мою сторону тянет. Говорит, как я нужен ей. Сегодня. Завтра. Всегда! А я голову покорно склоняю перед ней.

Страшное было время...

Так и обманывался, пока не стало совсем поздно.

Два шага вперед и только один назад. А потом понимаешь, что уже поменял билеты, сидишь в поезде и мчишься. Снова к ней.

Я ведь на тот сраный пейнтбол с соревнований ради нее одной торопился!

Скучал.

Адски!

Потом бегал по полю, прикрывал ее от врагов и форменно шалел, чувствуя себя таким невзъебенным героем, который свою женщину спас и счастливой сделал. Как же она радовалась, когда выиграла.

Как же она изменилась в лице, понимая, что эту победу подарил ей я — гребаный дегенерат и ошибка природы.

Сука!

Ее аж перекосило всю. И в тачку после игры она ко мне тоже не села, хотя после всех ее корявых выгибонов с Кахой, я первым наступил себе горло, пуская пулю в лоб своей гордо-

сти. И даже на концерты Летова внимания уже не обращал.

Но нашей цаце было все не так. Все не то. Тогда я этого не понимал, злился и только теперь точно знаю, как мастерски уже в то время она дергала меня за усы. И додёргалась...

Вздрогнул.

Это по экрану побежали финальные титры фильма, а я едва успел отвернуться, так как свет в зале вспыхнул, а Золотова вновь с подозрением оглядела задние ряды.

Не преуспев, подхватила бабулю под локоток и пошла на выход. А я за ними. И не успокоился до тех пор, пока не проводил их до дома. А потом и саму Яну до ее подъезда. Оставил пост лишь тогда, когда в ее окнах вспыхнул свет.

Вот тогда и припустил восвояси. Сдал тачку. Забрал свои вещи и в отель, перманентно гудя от какого-то всепоглощающего напряжения, зуда и желания кому-нибудь расхерачить морду.

Никто под руку не подвернулся, лишь у своего номера встретил Руса. А что с него взять? Друг же.

— О, Тим! А ты где пропадал? Чего трубку не брал?

— В кино ходил, — отмахнулся я.

— С кем?

— С девушкой.

— Воу! Быстрый ты. Нормальный хоть фильм-то был? — многозначительно поигрывая бровями, спросил Аверьянов.

— Не знаю, — пожал я плечами, — я смотрел только на

нее...

Глава 6 – Заторчал

Тимофей

Блядь, как же я по этому «скучал»!

Снова бессонные ночи и причина тому одна, что и год назад — Яна Золотова. Она вновь без спроса ворвалась в мою идеальную жизнь и все в ней разрушила до основания.

Один взгляд голубых глаз, и я в кашу.

Убился.

До утра нервно крутился в ставшей вдруг неудобной кровати, затем порывисто подрывался и отжимался до тех пор, пока почти замертво не падал на пол, задыхаясь от внутренних противоречий. Матерился трехэтажно и забористо. Ходил под холодный душ — три раза.

Ибо да, несмотря на всю свою пылающую ненависть к этой гадине, я ее хотел. Отчаянно!

По жести!

Умом понимал, что нельзя так. Но члену было плевать на доводы разума, ведь ничего в своей гребаной жизни слаще он не пробовал. И жаждал повторения.

Секундный флешбэк из прошлого, и он как ванька-встанька уже рвался в бой, даже не догадываясь, чем это все блядство чревато. Ну и хрен бы с ним, члену простительно — он же без мозгов. А я куда?

Сука!

Еще и завтра, как назло, среда — у меня выходной от боёв. Парни борются за возможность попасть в четвертьфинал. Я же уже там, потому что сил не берёг, газуя по максимуму. Да и зачем? Ведь они во мне бурлили все равно что в атомном реакторе.

И что теперь мне делать, когда с утра и до вечера в этом проклятом городе у меня времени так много, а дури в голове ещё больше? Возможно, нужно где-то раздобыть наручники и тупо пристегнуть себя к батарее, а ключ выбросить в окно?

Да, это была отличная идея...

Которая так и осталась нереализованной.

Жаль. Очень жаль, потому что я, дебил махровый, уже с утра пораньше придал себе ускорение в неправильную сторону. В губительную.

Как там в сказке было? Налево пойдешь — люлей отхватишь. Направо пойдешь — лоханешься конкретно. Прямо пойдешь — будешь себя ненавидеть всю оставшуюся жизнь.

Что ж...

Я везде преуспел.

Для отвода глаз, и чтобы тренер не растерял остатки нервных окончаний от моих выгибонов, я послушно на пару часов сходил на плановую тренировку, дабы к завтрашнему бою не поплыть. А после уже не мог себя держать в узде и, сверившись с расписанием Золотовой, снова устремился к ее институту.

К концу первой пары уже был там.

Прошел внутрь храма науки без особых проблем. Видя мои габариты и уверенно-ебанутый взгляд, охранник решил со мной не связываться и едва ли взглянул на мой студенческий, который я ему протянул. Кивнул мне, и я пошагал дальше, в поисках той самой аудитории, из которой уже совсем скоро должна была выйти Золотова.

Каким-то чудом с первого раза нашел нужную дверь, разглядывая философскую надпись на ней:

«Если хочешь идти — иди. Если хочешь забыть — забудь. Только знай, что в конце пути все это будет на экзамене».

Хмыкнул многозначительно, да так там и замер в ожидании.

Что я собирался делать, когда увижу Золотову?

То же, что и год назад. Я знал лишь один способ избавиться от боли — уколоть в ответ. Сильно. До немого вопля и судорог во всем теле. Чтобы самому выдохнуть хоть немного, иначе я бы просто не вывез.

И вот наконец-то прозвенел звонок. Потоки студентов повалили из аудиторий, заполняя коридоры под завязку. А меня мелко затрясло в преддверии того, что я собирался исполнить. Руки дрогнули, как и мотор за ребрами. Я весь с ног до головы покрылся мурашками только оттого, что понимал: совсем скоро я ее увижу. И она меня тоже.

Блядь! Быстрее!

И вот боковым взглядом я напоролся на белокурую косу и фигурку, затянутую во все черное. Она последней вышла

из кабинета в гордом одиночестве и с понурой головой. А я, внутренне ликуя и умирая одновременно, подал голос.

Громко.

— Девушка! — без разбора ломанулся я к первой попавшейся на пути студентке, но так, чтобы Яна со стопроцентной гарантией меня заметила и услышала. Остановилась как вкопанная. И выпала к херам в нерастворимый осадок.

— Да?

— А вы не подскажите, как найти деканат? — яркой звездой улыбался я девчонке, краем глаза следя за тем, как Золотова ошарашенно обхватывает ладошкой шею и таращится на меня.

Только на меня, черт ее дери!

Блядь, кайф-то какой! Кайф! Еще!

— Деканат?

— Ага, я тут в Питер переезжаю и в ваш чудесный вуз переводиться собираюсь, надо бы документы сдать на это дело, — потряс я в воздухе пустой папкой, что по дороге сюда купил в канцелярии.

— Ух ты! А на какой курс переводишься? — засияла заинтересованно девчонка.

— На третий, — подмигнул я ей.

— Офигеть! Круто! Ну, пошли, провожу тебя тогда до деканата, раз такое дело. Я Марина, кстати.

— А я — Тимофей, — кивнул я и двинул вперед, с мазохистским наслаждением чувствуя, как лазером жжет меня

взгляд Золотовой в районе затылка.

Чувствовал, да!

И улыбался, четко понимая лишь одно: охуенно! Но мне нужна еще доза.

Именно поэтому я и не свинтил из института сразу же, как только повернул за угол. Нет! Вместо этого я широко улыбнулся новой знакомой, совершенно не помня ни ее имени, ни того, что в принципе ей навалил в уши. Я, обдолбанный в нулину эйфорией от этой встречи со своим прошлым, вообще, кажется, ничего больше не соображал.

Но упорно пёр к цели — убиться на хрен всем этим дерьмом!

А там хоть порвись.

Дезориентированный во времени и пространстве я распрощался с девчонкой у двери в деканат, а там уж ввалился внутрь, озираясь по сторонам с придурковатой улыбкой на устах.

— Чем могу помочь вам, молодой человек? — заинтересованно посмотрела на меня женщина неопределенного возраста, сидящая за стойкой.

А я уверенно двинул к ней ближе, отмечая, что прямо над нами так не к месту висит видеокамера. Но это ладно. Благо более свидетелей нет, а там уж все зависит от человеческой жадности.

— Ирина Ильинична, — прочел я имя на бейджике и чуть

склонил голову набок, — спасите бедного, влюбленного студента.

— Простите? — нахмурилась женщина, но тут же улыбнулась, потому что и я состряпал самое благостное выражение лица.

Сунул руку в задний карман, где привычно таскал наличку, и щедро прихватил несколько купюр самого крупного номинала.

— Яна Золотова. Третий курс. Мне бы только номер ее телефона каким-то невероятным чудом достать, а там уж я как-нибудь сам, — и папку на стойку положил с очевидной взяткой под ней.

Женщина фыркнула. Покачала головой. Откинулась на спинку кресла, складывая руки на выдающейся груди, и с прищуром на меня глянула, предусмотрительно не взяв деньги.

— А вы ведь не наш студент, верно?

— Не ваш, — прикусил я нижнюю губу, — пока что.

— И как к нам пробрались, м-м?

— Любовь открывает любые двери, Ирина Ильинична.

— А что же сама Яна вам такому настойчивому и окрыленному чувствами свой номер телефона не дала?

— Сказала, чтобы я сам его добывал. Подвигом, — пожал я плечами, сочиняя на ходу небылицы. И надеясь, что все выходит у меня ладно и складно.

— Между подвигом и подкупом существует некоторая

разница, молодой человек, — буркнула женщина, но тем не менее, бодро принялась щелкать мышкой, что-то выискивая в своем компьютере.

— Подкупить таких неподкупаемых красавиц, как вы, тоже подвиг, знаете ли, — усмехнулся я, чем заслужил одобрительный смех от Ирины Ильиничны.

А буквально через несколько секунд она уже строчила на бумаге заветные одиннадцать цифр. Подмигнула мне и протянула листок. Я же, прикрываясь папкой, забрал его и передал деньги за столь деликатную услугу. И широко улыбнулся, чувствуя внутри непреодолимое желание прямо сейчас набрать номер Золотовой и до бесконечности слушать ее злое:

— Вы позвонили мне только, чтобы подышать в трубку?

Если бы можно было таким образом, посредством мобильной связи, сожрать человека, то, клянусь, я бы это и сделал. А так — да. Только подышать. Пока что...

— Вот спасибо! От души, Ирина Ильинична! Такое добро! Век не забуду! Золотой вы человечек! — отступил я на шаг назад и сделал низкий, театральный поклон.

— Иди уже, Казанова, — фыркнула та, а я отдал ей под козырек и наконец-то скрылся, как раз на том месте, когда гулкие коридоры института наполнились истошными звуками звонка, оповещающем о том, что очередная пара начала свой отсчет.

Я же от бурлящего адреналина, что вместо крови курси-

ровал по моим венам, привалился к прохладной стене и прикрыл глаза, пытаясь хоть немного себя потушить. Успокоить.

Но не мог.

Ладонь огнем жег листок, на котором был записан номер Золотовой.

В памяти ярким пламенем горели цифры аудитории, где у нее должна была идти следующая лекция.

И мне снова до ломки приспичило на нее посмотреть. Еще раз уделаться в хлам ее эмоциями. Угореть ими. Тем, как ей пришлась по душе новость, что скоро мы вновь будем учиться вместе. Ей было все равно?

Хрена с два!

Ее вынесло так же, как и меня — в соседнюю галактику.

Достал из кармана телефон и открыл ее контакт. Он до сих пор был здесь. Как-то в пьяном угаре, месяцев одиннадцать тому назад я все-таки набрал его снова. Нечаянно. Трижды. А в ответ услышал, что абонент уже не абонент.

Я тогда разбил телефон.

Потом купил новый, обещая себе, что удалю номер, который знал наизусть. Не удалил. А теперь редактировал контакт «Бессонница». На кой, спрашивается?

Да просто так...

И только когда все было сделано, я понял, что на сегодня с меня хватит.

Да только уйти сразу не получилось. Неведомым образом уже через несколько минут я все-таки обнаружил себя сто-

ящим у того самого лекционника, подпирая плечом косяк открытой настежь двери. И лихорадочно шарил глазами по бесконечным рядам студентов.

Макушку Золотовой нашел почти сразу.

Словил микроинсульт за ребрами. Парализовало на пару секунд даже. Глаза жадно ввинтились в образ девчонки, что сидела обособленно ото всех, на первой парте, прижав обе ладошки к губам и смотря в бесконечную даль неба сквозь огромные окна.

Она была не здесь.

И я вместе с ней выпал за черту, точно зная, что ей прямо сейчас плохо, а я уже не перестану ее мучить.

Так было и год назад. Я точно так же на парах высверливал ментальные дырки в ее голове. Точно так же ненавидел. Точно так же до одури хотел.

Оказывается, я так по этому скучал. Безбожно. Просто иметь возможность бурлить своим ядом, агрессией и похотью, пристально и беспрепятственно полируя ее фигурку взглядом.

Год прошел, когда я мог делать это. После нашей последней встречи я ведь в институт так и не вернулся. Она тоже — я все о ней знал.

Но запретил себе об этом думать. И говорить друзьям. Даже смотреть на меня с этим сраным подтекстом, где все напитано Яной Золотовой.

А теперь раскодировался вот. И хотел больше. Мне определенно было мало просто смотреть. Мне нужен был личный контакт.

Уже сегодня...

Глава 7 – Вспомнить все

Тимофей

— Ты где шляешься? — услышал я дикий ор тренера, когда уже покинул стены института, и скривился, понимая, что нарвался все-таки на знатный пистон за прогулы.

Все же я не в отпуск приехал, а на соревнования. Но както меня уже эта тема не вставляла, как еще неделю назад. Я нашел другую дурь, от которой уже не хотелось никому крошить кости в труху.

— У меня тут экскурсия была, — попытался перевести я все в шутку, но сразу понял, что зря.

Мой тренер — мужик отбитый. Жесткий. Волевой. Бескомпромиссный. На ерунду не отвлекался, и в меня много сил вложил. И вот эти телодвижения с моей стороны резонно сейчас воспринял как личное неуважение.

Неудобно стало.

А он зарычал в трубку на русском матерном, а еще установил мне жесткие рамки: либо я сейчас же возвращаюсь к нему под бочок, либо я об этом горько пожалею. Что скрывалось под этим вторым пунктом лучше не знать. Там могло быть все что угодно.

Подчинился, хотя про себя и прикинул в уме примерное время, когда у Золотовой закончатся пары. Когда она доберется домой и снова окажется под моим прицелом.

Хотелось сейчас...

Но приходилось прогибаться под изменчивый мир.

И пока я рулил по запруженным улицам на нужный адрес, начал сам себе поражаться, качая головой. Капец, я исполнитель! Времена шли, а в моей жизни ничего не менялось. Как творил из-за Золотовой какую-то дичь, так и продолжил это делать.

Год назад ведь я тоже бабок отвалил преподу из-за этой белобрысой змеи. Ляхова тогда знатно удивилась моим загонам. Но иначе я не мог. Не в ноги же мне было Золотовой падать после всего того, что она накуролесила.

Тогда, когда с Кахой уехала.

И на пейнтболе, когда всячески делала вид, что я пустое место.

Я терпел. Обещания себе давал, что больше после такого к ней не сунусь. Клялся. Божился. Пытался ее забыть всеми известными мне способами. Но она, как надоедливая муха, все напрашивалась, чтобы я ее прихлопнул.

Я не мог устоять.

Я пошел к Ляховой и тупо купил возможность столкнуть себя и Золотову лбами. Снова.

— Тимофей, — протестовала женщина против моей затеи и даже крупную сумму денег брать за это не хотела, — я попросила бы вас решать свои личные вопросы с девочками без моего участия.

Пришлось снова фантазировать.

— Вы не понимаете, Юлия Юрьевна, — заломил я руки, аки кисейная барышня, — Яна — моя девушка. Но она очень на меня обижена. А я страсть как хочу с ней помириться, но она даже слушать меня не желает. А я ведь ее люблю. Вы — моя последняя надежда!

— Любишь, говоришь? — нахмурилась женщина.

— Очень! — прижал я руку к груди. — Ночами не сплю, только о ней и думаю.

Последнее не было ложью, а потому и добило неприступного педагога. Ну и деньги, конечно же, были нелишними. И да, она согласилась уже на следующий день сделать для меня все в лучшем виде. Добрейшей души человек.

Вспоминаю те свои эмоции и диву даюсь. Как у ребенка, честное слово, в ожидании Деда Мороза и новогоднего чуда. Я ведь в тот день даже на учебу собирался дольше обычного: мылся и брился тщательнее, зависал перед гардеробной, раздумывая, что лучше надеть. По дороге на учебу извелся до такой степени, что даже Летов начал ожидаемо клевать мне мозг.

Потом весь день гонял в голове слова, которые собирался сказать Яне.

Там столько всего было...

Вот только на выходе опять получилась какая-то «шляпа». А я помню все в мельчайших подробностях, будто бы это было только вчера. Она была в чулках. Такая красивая. Злая.

А я ее ревновал к Кахе, как одержимый. И может, если бы она только сказала мне, что ничего не было между ними, я бы тогда не сорвался? Не знаю...

Но это было стопроцентное, концентрированное сумасшествие. На грани добра и зла — быть рядом с Золотовой и не обнимать ее. Не целовать. Не трогать ее везде, кайфуя оттого, что она стонет в моих руках. Я не смог удержаться.

Я даже не пытался.

Я хотел снова почувствовать, как она бедрами инстинктивно подмахивает мне. Жаждал прикоснуться к горячей влаге между ее ног. К соскам, что выпрашивали ласку. И я все это получил.

И ее бы взял, прямо там, если бы все снова не пошло наперекосяк. Ее слова до сих пор звенели в моей голове, и в них было столько обиды, горечи и боли, что я поверил ей.

Дебил!

Она ничего не предъявляла мне, а я тогда был в одном гребаном шаге, чтобы упрашивать ее простить меня. Больше не предъявлять ей за Каху и ее грязный язык, а просто уже выкинуть этот чертов белый флаг и будь что будет.

Потому что я так устал!

Это война была мне поперек горла.

Я так тогда в той каморке у Ляховой растерялся от своих ощущений и внутреннего внезапного дисбаланса, что не знал, что сказать. С чего начать? Как вообще надо сделать так, чтобы просто заключить хотя бы временное перемирие?

Морок какой-то...

И я бы совершенно точно уже тогда вляпался в какое-то феерическое дерьмо, если бы по нашу душу не нагрянула Лахова. Тогда я злился, что она явилась так быстро. А потом готов был руки ей целовать.

А дальше меня не иначе как уже бог спасал. Ибо я, словно торчок, бежал за Золотовой, как за очередной дозой. Звонил ей бесконечное количество раз. Писал. А потом и вовсе приехал под ее окна, где околачивался больше часа, пытаясь вывести королевишну на разговор.

Что хотел сказать?

Да что угодно уже, лишь бы она больше от меня не бегала.

Вот такой наблюдался сдвиг по фазе.

К вечеру попустило. Посидел, вспомнил, как именно отжигал по милости Золотовой. Охуел. И от греха подальше написал тренеру, что согласен вот прямо сейчас лететь на смотры, на которые полгода ехать отказывался.

Иначе бы наступил новый день, и я бы снова словил шизу.

А что по факту? Не помогло.

Ведь, даже будучи на расстоянии от Яны, меня гнуло так, что я сам себя боялся.

Потому что страшно это, когда мозгом понимаешь, что нельзя! А все равно делаешь.

Опять!

Торопишься. Меняешь билеты. Летишь к ней, как чум-

ной. Звонишь отцу даже и просишь снова пригласить Андрея Золотова вместе с дочерью к себе в гости. Найти хоть какой-то гребаный повод для этого.

Зачем?

Надо, блядь!

Но уже в аэропорту все рухнуло, а я задохнулся, потому что уже не я, а этот мир сходил с ума...

Вздрогнул, отряхиваясь от воспоминаний. Так долго на отравленном острие прошлого я давно не балансировал.

Каков итог? Тошнит. И кишки крутит так, как и тогда, когда Яна Золотова играючи разрушила меня до основания.

Отмахиваясь от всего и стараясь вообще ни о чем не думать, я, словно чумной или блаженный, хер поймешь, что мне сейчас ближе, запарковался и сдал тачку. Затем двинул в зал, долго выслушивал по второму кругу нудные нотации тренера.

Встал с ним и несколько часов получал по мордасам. От души так. Качественно. Ибо я был не здесь.

А там — в том злоебучем дне, когда меня вытоптали до основания.

Остаток дня пролетел урывками. Какими-то флэшбэками. Отработка ударов. Советы. Наставления. Шутки друзей. Все мимо.

Я — ежик в тумане. Бреду...

Четко себя осознавать начал только много позже, стоя в душе под холодной водой. Остывал, вяло слушая треп пар-

ней в соседних кабинках. Аверьянов снова трепался о своей девушке, сетуя, что она динамит его в последние дни. Димас над ним ржал.

Мне было откровенно насрать.

Я стоял. Обтекал. В какой-то момент, оставшись один, всадил в кафель «двоечку», разбивая костяшки в кровь и пытаясь затолкать воспоминания обратно под замок, но, сука, тщетно. Они рвались наружу и пытались меня отрезвить. Просили еще раз взглянуть на них, чтобы вспомнить о том, как красиво меня развели.

Потому что с выходных я был пьяным в умат. Из-за нее...

И тогда был. Думал, меня судьба решила наконец-то прокатить на веселых каруселька х. А нет, оказался очередной феерический пиздец.

Ха-ха! Знал бы я тогда, ради чего так в Москву торопился и снова тренера бесил и смотр завалил. Ради чего билеты менял и отчаянно косил под дурака.

Но стоило только самолету коснуться шасси посадочной полосы, а мне достать телефон и вывести его из авиарежима, как тут же посыпались тонны уведомлений.

Летов звонил аж три раза. И писал тоже, просил выйти на связь, мол, разговор есть. Важный! Я решил, что общение с ним подождет. Не он сегодня на повестке дня, а блондинистая заноза, что зудела у меня под кожей уже так глубоко. Травила!

Я собирался ехать к ней и падать в ноги, еще даже не по-

дозревая, что сама Яна уже сплела для меня смертельную паутину.

Вызвал такси, но звонок Плаксиной застал меня врасплох. Скинул его, но рыжая продолжала снова и снова набирать меня, пока я с психом ей не ответил.

— Да? — буквально рявкнул я в трубку.

— Тим, блин, слава богу, ты ответил! — словно бы запыхавшись, тараторила девчонка. — Ты где сейчас? Уже вернулся?

— Да, рожай резче, Рита.

— Да тут капец, Исхаков! Ты разве не в курсе еще? — закричала она на грани истерики. — Все чаты пестрят видосиками, как ты Янку в какой-то кладовке валяешь, копошась в ее трусах. В институте натуральный ахтунг! И ладно бы экстазы глумящейся толпы, но Золотова решила, что это ты организовал столь забористый инфоповод по ее душу.

— Чё? — капитально так припух я, не понимая, о чем идет речь, но Плаксина не заставила себя долго ждать с добротными пояснениями.

А у меня холодок по спине пробежал. Я лихорадочно пытался сообразить, как такое вообще стало возможным, но мысли мои перебила Рита, заставляя стремительно выпасть в нерастворимый осадок.

— Але, гараж, Тимофей! Слушай сюда и внимай! Оказывается, это все сама Золотова подстроила! Она сначала там трагикомедию на публику отыгрывала, чтобы тебя монстром

перед всем потоком выставить, типа это ты ее слил, но затем созналась мне по секрету, что была в курсе того, что ты Ляховой дал на лапу за ваши посиделки у нее в кабинете. Она же и поставила туда камеру заранее, чтобы вас отснять по красоте. А когда дело запахло жареным, то отшила тебя, так как получила, что хотела. Но и это еще не все!

— Продолжай.

— Короче, сегодня Летов в разговоре с ней сказал ей, что ты в нее влюблен. И все — Золотова слетела с катушек. Теперь ей мало, чтобы тебя выперли из института. Она собирается уничтожить тебя, потому что считает, что это очередная уловка, чтобы ее опустить. И теперь она хочет тебя посадить!

— Что за дичь?

— Ты даже не представляешь, на что она способна, Тим! Я и сама не догадывалась, насколько Золотова отбитая на голову. Она сумасшедшая! Но если ты мне не веришь, то вот тебе доказательства.

И трубка мобильного завибрировала в моих руках. Это в мессенджер посыпались сообщения.

Я, не отключаясь от звонка, полез в переписку. Уже через секунду меня прихлопнуло скринами.

«Мы должны придумать, как от него избавиться! Както подставить его.»

«Нужно провернуть такое... Чтобы по-взрослому он встрял, капитально и надолго».

«Обвинить в износе, например».

«Ой, какая ты умная. Что же ты свою девственность на алтарь в таком случае положить не желаешь, м-м?»

«Положу, если надо будет».

«Папа каждый божий день на районе барыг с весом принимает. Думаю, что не будет ничего криминального, если несколько пакетиков с отравой вдруг не попадут в рапорт, а пройдут мимо кассы. А дальше ловкость рук и никакого мошенничества. У Тимофея Исхакова найдут запрещенку в особо крупном размере — и вуаля. Вылетит он кверху задом из нашей альма-матер, а мы снова заживем себе припеваючи».

— Тим, ты еще тут?

— Тут, — прохрипел я, крепко зажмуриваясь, перебарывая резкую боль за ребрами. Навынос!

Мне было плохо. Физически!

— Короче, будь осторожен, парень. Она хочет приехать сегодня к тебе и все это провернуть. Ты слышишь? Не верь ей! — орала Плаксина, но я уже скинул вызов и крепко зажмурился, позволяя такси везти меня в никуда. Все крутил в голове слова рыжей подружки Золотовой и так, и эдак. И уже почти решил, что я чего-то не понял. Убедил себя не верить во всю эту ересь вот так вот сразу.

И почти уже нашел тысячу и одно оправдание для своей паучихи.

А потом на телефон пришло сообщение от Стужевой, чей

номер я сохранил еще с тех времен, как заценил ее охренительные татуировки и хотел себе что-то в таком же стиле. И вот от этой абсолютно вменяемой девочки и подруги Яны получить по кумполу было намного больнее, чем от дурочки Плаксиной.

В разы...

«Тимофей, привет. Это Ангелина, твоя одногруппница. Нужно поговорить. Срочно!».

Первая реакция — паралич всего: нервной системы, опорно-двигательного аппарата, сердца.

Я на стопе.

А еще понимал, что говорить не могу. Просто опозорился бы, потому что форменно задыхался сейчас. Меня же уже выпотрошили, как рыбу, оставляя гнить и пованивать на весеннем солнышке.

Я такой еблан.

Я ведь знал, с чем она пожаловала. И не ошибся, хотя готов был отдать левую почку, лишь бы Стужа сказала, что Яна не конченая психопатка. Что я завис не на гребаной сумасшедшей фурии. Что все нормально и тревога ложная.

Да только нихрена подобного не случилось.

«Пиши».

Это все, на что были способны мои дрожащие пальцы.

«Короче, тут в институте, пока тебя не было, случился реальный такой армагеддон. Слили в общие чаты ваше с Яной хоум-видео. Но мне бы и дела не было до ваших семей-

ных разборок, если бы она сегодня не притащила в институт наркоту. Без шуток! Отгадай с одного раза зачем?»

«Ангелина, ты в шарады со мной поиграть решила?»

Да, я пытался корчить из себя равнодушного балагура, пока метафизически харкал кровью. И да, что мне еще оставалось? Я спасал себя как мог.

«Ладно. В общем, не знаю, что там у нее в пакетиках, но она сказала, что достала все это добро у отца. Вроде бы он у нее в полиции какой-то крупной шишкой трудится. И она собиралась сегодня всю эту химию тебе подбросить, чтобы потом на тебя настучать и тебя с позором бы отчислили. Но тут вскрылись новые обстоятельства».

«Летов?», — догадался я.

«А, значит, ты уже в курсе. Ну, тогда ладно».

«Продолжай».

«Короче, Тим, — у Яны откровенно потекла фляга. Она там все в кучу сгребла: что ты ее с подругами рассорил, что опозорил в институте, что про нее парням своим рассказывал и вы ее теперь чуть ли не по кругу собираетесь пустить. Она реально ненавидит тебя всеми фибрами своего существования, ты даже не представляешь себе насколько. И теперь она решила идти к тебе, чтобы подкинуть наркоту. Я ее видела собственными глазами у нее в сумке и во внутреннем кармане куртки. Но это не все, как ты понимаешь».

«Ну?»

«Ты где сейчас дома?»

«Да».

«Тим, уезжай! Она едет, чтобы провернуть с тобой что-то очень нехорошее!»

«Спасибо, я тебя услышал».

«Тимофей, у нее папа — мент. Это не шутки!»

«Я понял. Не волнуйся».

Тем временем такси у моего дома притормозило, а я выключил телефон и сунул его в задний карман. А затем, не разбирая дороги, пошел к себе. А уже в квартире, просто кулем, набитым перемолотыми в фарш внутренностями, сел на диван и тупо принялся ждать.

Ее.

Свою Черную Вдову. Пусть приходит. Пусть жалит.

Похуй уже.

Честно? Из моей черепной коробки тогда вытекли все мозги. Башка заполнилась каким-то протухшим киселем, а я сам погрузился в состояние полнейшего ступора. Когда факты ранят так сильно, что легкие стопорятся, отказываясь качать живительный кислород, а кровь смешивается с пеплом прогорклого разочарования.

Я ведь только в тот момент понял, что хотел так опрометчиво подарить этой суке. Вложить в ее руки ключ от нашего будущего и пусть правит. А я бы ее берег и каждый чертов день заставлял счастливо улыбаться. Рядом со мной.

Первый раз в жизни почти склонил голову перед девчон-

кой, признавая ее безоговорочную надо мной власть, и вот так — оказался ненужным. Забавным Тимкой-дурачком, за счет которого можно прокачать скилл жестокости.

Это понимание меня просто вынесло на раз. Опустошило и уничтожило.

А контрольным в голову стал звонок в дверь.

И все — пиздец.

Дальше я из человека, что дышит и чувствует, превратился в какой-то обезображенный кусок мяса, кровоточащий и разящий смрадом прогрессирующего гниения. Как-то еще хотел поговорить с ней, вынести ей мозг точно так же, как это сделала она.

А потом увидел ее и пропал.

Она чего-то лопотала. Я чего-то отвечал. А сам только и думал: раз мне суждено умереть сегодня, то пусть это хотя бы будет весело. Хотя бы для нее.

Я решил дать то, за чем она пришла. Но, боже, как же больно это вспоминать...

Я ведь таким, как рядом с ней, никогда не был. Не человек больше — оголенный провод. А когда наши губы соприкоснулись, то вспыхнул ярким факелом. Горел! Плавился, но оторваться от нее уже не мог.

Намертво приварило.

Знал ведь, что она меня убивать пришла. И сам вложил ей нож в руку. Пытался отпустить — но уйти не дал бы. Нихрена! Мы оба в тот вечер были обречены.

Зажмурился! Зарычал! Выматерился смачно!

Потому что невыносимо было воскрешать в памяти то, как это было с ней. Ибо то был гребаный рай! Сука, хренов эдем! Когда сдохнуть хочется от лживого счастья, а еще разодрать наживую свою грудную клетку, выломать ребра и вырвать воющее сердце.

А затем швырнуть эту глупую мышцу к её ногам. И капитулировать:

— Тебе ведь оно было нужно, да? Ну так бери, Яна. Топчи!

Я любил ее. Я ее насиловал. Все, как она хотела. Она ведь за этим и пришла, разве нет? Подарить мне свой первый раз в обмен на мое падение. Равноценно же, да?

Нихуя подобного!

Я ведь просил ее сказать мне правду. Как-то решить все это. Я бы и тогда, после всего этого дерьма был готов на любое условие, лишь бы она меня не добивала.

А в ответ — тишина.

Свалил на балкон специально. Голый. Взмыленный. Разрушенный, блядь, до основания. На улице начало апреля, чуть больше десятки со знаком плюс, а я холода вообще не чувствовал. У меня за ребрами атомный взрыв плавил все на своем пути.

Я дал ей время. Минут десять или двадцать. Уйти без боя. Или слить все в унитаз. Я курил одну за одной и первый раз в

жизни молился, чтобы эта девочка, которая так крепко держала меня за яйца, просто позволила нам случиться.

Но время шло, а она нихрена не сделала. И наркота в ее сумке нашлась. И в куртке тоже.

А в ответ:

— Не мое.

Ну, конечно, блядь. Аист принес в клювике.

Дальше все как в тумане. Мною управляла лишь обида, ярость и раздутое до нереальных размеров разочарование. Не в ней даже. В самом себе.

Выбросил ее за дверь и рухнул на пол. Тупо ждать конца. Ибо все для нее — для этой гадины, что свернула мне мозги всмятку.

Я так надеялся, что она не пойдет дальше.

Зря.

Спустя минут пятнадцать в дверь все-таки позвонили, и голос на лестничной площадке не оставил мне никакого шанса:

— Открывайте, полиция...

Фараоны, мать их ети.

— Открыто! — заорал я и растянул губы в безумной улыбке.

Я был явно не в себе тогда. Сейчас от своей шальной дурости и ебанутой смелости в ужас прихожу, ведь на самом деле мог всю жизнь себе статьей похерить. А тогда крыло настолько, что было уже насрать, что ждет меня дальше.

Аффект. Шок. Ступор.

Услышал бы такое дерьмо от какого-то другого парня и поржал над его недалекостью. Это же вообще легко, сидя на диване и почесывая зад, рассуждать о том, что бы ты сделал в такой ситуации. Конечно, все сходят с ума от чувств, но вот ты — никогда.

И сел бы, и поговорил, и все выяснил, и еще раз утопить бы себя дал в сточных водах уродливой правды. Говно вопрос вообще, пф-ф-ф!

Ты же птица смелая. Сильная. Не то что другие — сопляки. Да только когда неожиданно и тебе ментальной кувалдой по башке прилетает, уже иные песни петь хочется, а не радостно чирикать.

И орать во всю глотку от отчаяния.

И смехом давиться.

Я плохо помню тот отрезок времени, когда грязные ноги ментов вытаптывали мне прихожую и остальную квартиру. Искали. Нашли. Просили вежливо пройти на выход. Что-то донести пытались о том, что я тут вообще не по понятиям исполняю — люди все приличные в доме живут, а у меня наркопритон с блэкджеком и шлюхами.

Ай да Тима!

В отделении что-то подписать просили. Пакеты на экспертизу, а меня в камеру. И все — я окончательно выпал из этой реальности, понимая совершенно точно, что Золотова все-таки меня сдала по всем фронтам. И уже неважно, как я с ней

поступил: выкинул полуголую и всю уделанную моей спермой или дал бы для приличия привести себя в порядок.

Сука!

И нет, я себя не оправдывал. Я помнил, как меня на откате тошнило и выворачивало, когда пришло понимание всей жести содеянного. Когда картинка, кровавыми рваными пазлами окончательно сложилась в моей голове.

Когда ледяным водопадом на меня обрушились воспоминания, как именно я трахнул Золотову во второй раз. Другая бы орала от боли, а эта терпела, позволяя мне жадно вколачиваться в ее жар. Вот только кайфа я не почувствовал тогда. Кончил, но сам себе стал противен.

И ее ненавидел. И себя презирал.

Хрен его знает, сколько я тогда просидел на твердой казенной скамье. Время стерлось в одну уродливую кляксу, в которой я планомерно топился, на репите прокручивая все, во что вляпался. И не мог остановиться — кругами ада снова и снова заставлял себя задыхаться от кайфа, а после сходить с ума, поджариваясь в персональном чистилище.

Ебучие веселые качели!

А потом где-то вдалеке послышались торопливые и тяжелые шаги. И смутно-знакомый голос резанул острой бритвой по истерзанным нервам.

— Камеры отключить! Живо, блядь!

Понятно...

Усмехнулся. По мою душу прибыл Андрей Андреевич

Золотов собственной персоной. Отыгрывать очередной акт марлезонского балета. И так оно и было.

Ключи лязгнули, отпирая дверь моей камеры. А затем почти животное рычание не оставило мне иллюзий о том, что меня обвинили в еще одном смертном грехе.

— Так ты, падла, еще и наркоман у нас, да, — жесткой хваткой меня дернули за куртку вверх, а затем первый мощный удар прилетел по морде.

Я даже не думал прикрываться. Просто смотрел в полное ярости лицо Золотова. А что тут еще скажешь?

«Не виноватый я! Она сама ко мне пришла!»

Смешно...

— Что ты с ней сделал, сука?

Еще один удар, теперь уже под дых, да такой мощный, что я едва внутренности не выплюнул.

— Что, я тебя спрашиваю? — и снова по лицу. Сильно! Так, что металлический привкус крови солью разился у меня во рту.

Но мне было лихо похуй. Я этой боли вообще не чувствовал, даже приветствовал ее. Потому что внутри творилось что-то страшное. Что терпеть было почти невыносимо.

— Отвечай! — орал Золотов, а я не знал, что сказать. Оправдываться я не собирался. Если Яна все-таки обвинила меня в изнасиловании, то флаг ей в руки.

И барабан на шею!

— Гандон штопаный! — еще один удар. Последний. И ме-

ня просто откинули от себя, как куль с костями.

Золотов отошел прочь, а я, вытирая кровь с разбитых губ, наконец-то заметил, что у нас был зритель — мой папаша. Он смотрел на меня так разочаровано. Будто бы не верил, что я мог быть его сыном.

— Забирай его на хуй отсюда, — хрипло просипел Золотов, — и предупреждаю на берегу, Паш: увижу твоего выродка рядом с моей дочерью еще раз и ему пиздец. Я ясно выразился?

Последние слова он просто проорал.

Отец кивнул и дал мне знак следовать за ним. Я же был в такой прострации, что передвигался и дышал чисто по инерции. Там за ребрами ничего не осталось кроме пустоты и ревущей боли. Хотелось лечь и сдохнуть, а приходилось куда-то идти и продолжать делать вид, что жизнь не поставили на паузу.

Где-то на периферии сознания вычленил из осуждающей речи отца, что я возвращаюсь в свой институт. Я не возражал, понимая совершенно четко, что все равно бы не вернулся туда, где каждый божий день приходилось бы сталкиваться с Золотовой и сходить с ума.

Лучше сразу застрелиться.

Что было дальше вспоминать страшно, ибо то была не жизнь даже, а гребаное существование. Я оборвал все связи с прошлым. Царенова и Летова вынес за скобки. Квартиру,

в которой меня так эпично отымели во все щели, выставил на продажу.

Не осталось ничего — я планомерно вычистил все вокруг. Выбросил все, что мне могло напоминать о блондинистой змее, что превратила меня в ходячий труп.

А потом полгода пытался выбить ее из своей головы. Загрузил себя всем, чем только мог: учебой, подработкой в компании отца и спортом. Последнее получалось лучше всего, потому что только на ринге я мог спустить собственных демонов с поводка.

Пока в один прекрасный день тренер не решил со мной завести тупые задушевные разговоры. Вот тогда меня и взорвало. Снова!

— Исхаков, мать твою! — рычал мужчина, а я понять не мог, что ему от меня надо. — Ты давно трахался вообще?

Давно. В последний раз шесть месяцев назад. С Золотовой.

И сразу же мотор за ребрами заревел, протестуя против того, чтобы я снова пропускал себя через мясорубку воспоминаний. На хуй! От меня же ничего не останется...

— При чём тут это? — вяло спросил я, а сам зубами скрежетал.

— Притом, что у тебя спермотоксикоз налицо. Где техника? Где стратегия? На ринг выходишь не ты, а какое-то голодное животное, и трезвой головы нет — один сплошной клубок оголенной ярости!

— Насрать, — пожал я плечами.

— Ты мне тут еще поговори, Тимофей. Значит так, чтобы сегодня же вечером натрахался от души и спустил вот это все состояние в унитаз. Мне надоело смотреть на твои припадки!

— Разберусь, — отмахнулся я, сжимая руки в кулаки и кайфуя оттого, что свежие ранки на костяшках лопаются и кровоточат.

Хорошо-то как, господи! Физическая боль глушит душевную. Хоть и ненадолго, но отпускает. А-а-а, сука!

— Понятно все с тобой, — закряхтел тренер.

— Что именно? — криво усмехнулся я.

— Так бы и сказал, что влюбился. А то я понять не могу, почему тебя полгода гнет, как Тузика.

Бам! Бам! Бам!

Это вместе со стуком сердца мне по башке кувалдой прилетело, так что мозги в кровавую кашу и тело затрясло от очередной дозы концентрированной злости, что побежала по венам. Отравляя и насилуя разум.

Я медленно встал и молча, игнорируя громкий оклик тренера, свалил из его кабинета. А затем пошел и, не разбирая дороги, устремился доказывать всем и самому себе, что ни хрена подобного.

Ни в кого я, блядь, не влюбился!

Бред сивой кобылы вообще!

Я не зависим!

Я снова тот самый Тим, которому на все и всех фиолетово! Я здоров! Я в порядке!

Я ее забыл!

А потом случился Питер...

Глава 8 – Я просто посмотрю...

Тимофей

— Сука! — рассмеялся я, проводя туда-сюда ладонями по лицу и пытаясь привести себя в чувства. — Ну как? Как можно быть таким конченым дебилом, а?

Полгода устойчивой ремиссии и снова башкой в унитаз. Сам себя макнул ведь! От души так, что дерьмом нахлебался. А обещал же себе, что больше ни за что и никогда. Что все — отболело и отвалилось.

А вот, глядите, — ничему меня жизнь не учит. Как был упоротым на всю катушку идиотом, так им и остался.

Каков итог? Как и всегда...

Кожа будто бы покрылась ментальными волдырями и язвами, гнойными и кровоточащими. Они ныли и зудели так сильно, что доводили меня почти до горячечного исступления, но я никак не реагировал на этот истошный в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.